

2/1924

КУРЬЕР ЮНЕСКО

АПРЕЛЬ 1994

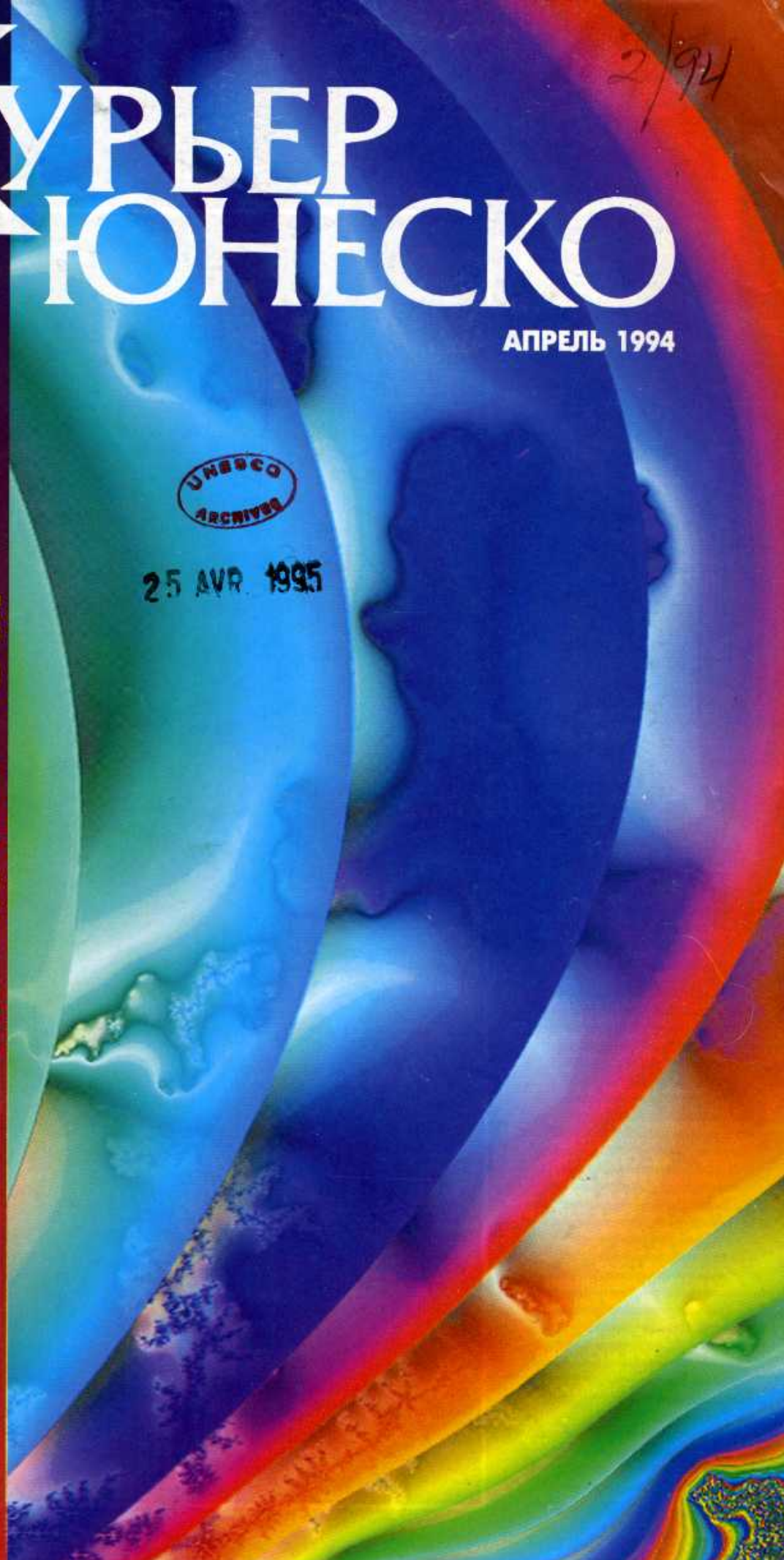
25 AVR. 1995

**МНОГОЦВЕТНОЕ
СЛОВО**

**ЯЗЫК И
КУЛЬТУРА**

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
В ВАВИЛОН**

**ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ
ЯЗЫКИ**

Дорогие читатели!
Просим вас присылать нам фотографии произведений, достойных, с вашей точки зрения, публикации на этой странице.

Это могут быть произведения живописи или скульптуры, фрагменты памятников архитектуры или любые другие объекты, которые служат примером слияния культур.

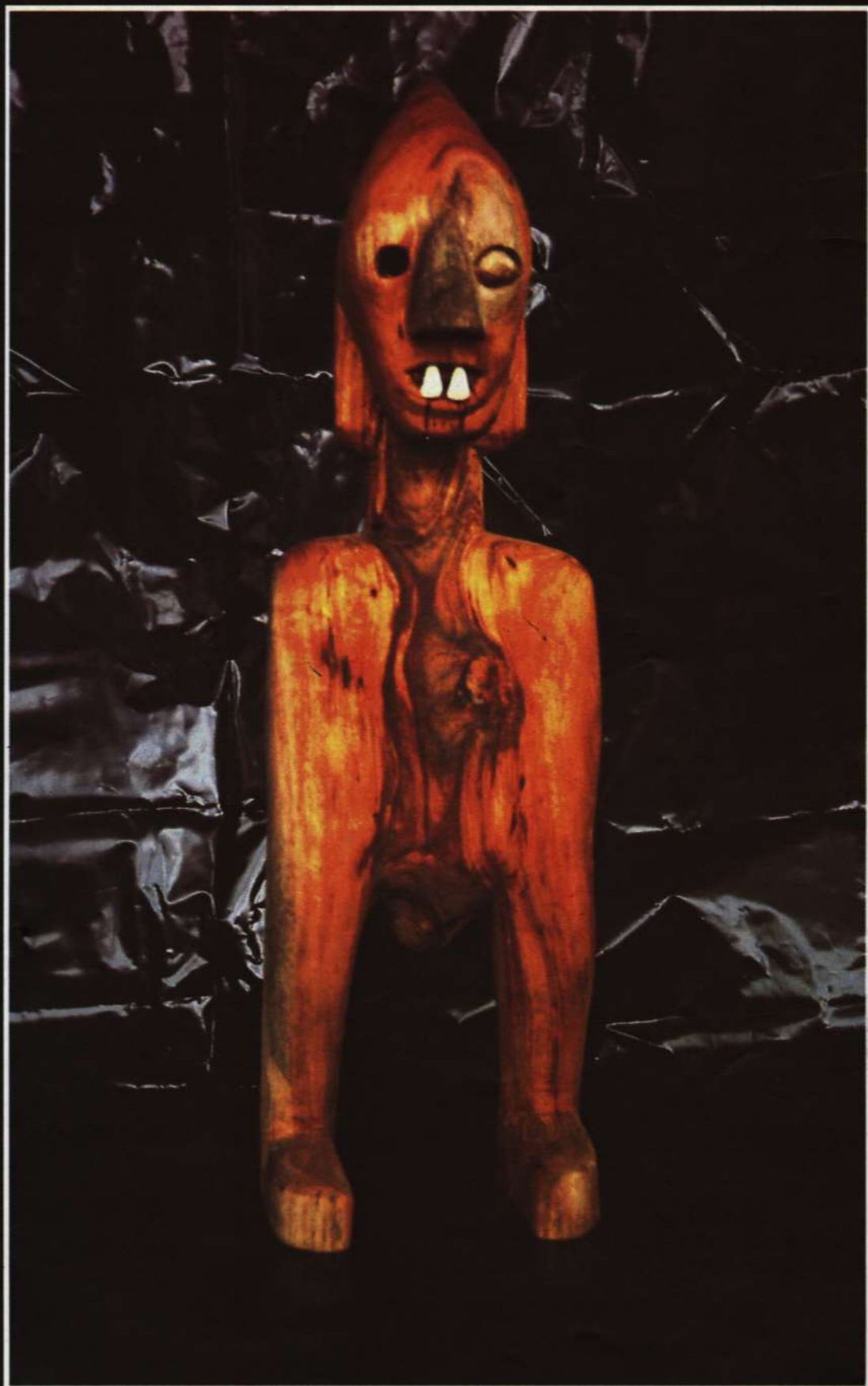
Вы можете также присылать фотографии двух произведений искусства разных культурных ареалов, между которыми, на ваш взгляд, существует связь или сходство.

Просим снабжать фотографии подписями.

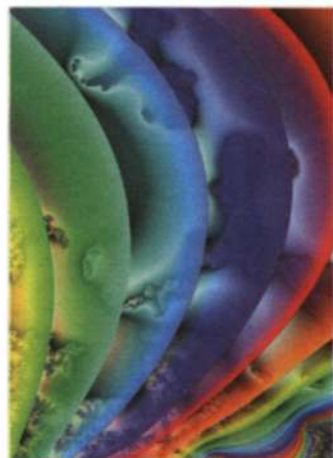
ЭЗУ

1980, скульптура,
дерево и лошадиные
зубы (высота 80 см)
Шикун Табибуя

«Вы учитесь по книгам, а я учусь по снам», — говорит Шикун Табибуя, бывший резчик по дереву, ставший одним из ведущих мастеров современного бразильского народного искусства. Скульптуру, помещенную на этой странице, как и все остальные свои работы, художник сначала увидел во сне. Она изображает Эзу, божество плодородия и созидательной силы в афро-бразильском культе «умбанда». Бразильский музейвед Паулу Пардал, открывший Табибуя и вдохновивший его творчество, видит в его скульптурах «бессознательное присутствие древних универсальных мифов».

4

МНОГОЦВЕТНОЕ СЛОВО

4 Дар языков

Стивен Верм

1-я с. обл.:
«L'arc du verbe» (1993) — картина
Иезекииля Саада (компьютерная
графика), специально сделанная
для этого журнала. Языки видятся
как цветные волны, распространяющиеся
по всей Вселенной.

10 Возвращение в Вавилон

Петер Мюльхауслер

36 ЮНЕСКО в действии НОВОСТИ

16 Выбор Нигерии

Айо Бамгбозе

38 ЮНЕСКО в действии АРХИВЫ Путь к сосуществованию *Арнольд Тойнби*

26 Гибель языков народов Севера

Владимир Беликов

40 ЮНЕСКО в действии ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ Королевские дворцы Абомея *Ясмина Шопова*

31 Цыпленок и банан

32 Подарки и промахи

Цзя Тянь

21

Зеленый страж

37

КОММЕНТАРИЙ

Федерико
Майора

ДАР ЯЗЫКОВ

■ Стивен Верм ■

Народы мира изобрели хитроумные способы преодоления языковых и межкультурных барьеров в общении.

СТИВЕН ВЕРМ, австралиец; профессор лингвистики научно-исследовательской школы Тихоокеанского региона при Национальном университете в Канберре (Австралия). Среди его 300 опубликованных работ — «Language Atlas of the Pacific Area» (1981—1983), «Papuan Languages of Oceania» (1982) и «Language Atlas of China» (1987—1990).

В настоящее время в мире существует более 5 тыс. различных языков и еще большее число диалектов. Многие языки не имеют между собой ничего (или почти ничего) общего. Некоторые из них являются достоянием крайне малочисленных народностей.

Потребность в преодолении языковых и межкультурных барьеров, ставшая еще более острой в последние десятилетия в результате усиления иммиграции во многих частях света, может удовлетворяться разными способами. Один из распространенных способов состоит в том, что два народа, живущие на сопредельных территориях и говорящие на разных языках, овладевают (по крайней мере в некотором объеме) языком соседей. Это называется активным двусторонним двуязычием. Если языком соседей овладевает лишь одна из двух общностей, то это называется активным односторонним двуязычием. К примеру, если

Вверху: танцор с островов Тробриан (Папуа — Новая Гвинея) на празднике кула (обрядовый продуктообмен).

На с. 4: вождь сельской общины с жезлом с серебряным наконечником — символом власти (департамент Куско, Перу).

вблизи морского побережья живут две народности, но только одна из них располагает выходом к морю и имеет в своем распоряжении товар, который нужен другой общине, скажем соль или рыбу, то у продавцов этого товара экономически более сильные позиции, чем у потенциальных покупателей, и их языку отдается предпочтение перед языком племени, живущего дальше от моря.

Послы и посредники

Любопытное проявление двуязычия отмечено у некоторых говорящих на разных языках племен Папуа — Новой Гвинеи, которые традиционно враждуют друг с другом, но вынуждены общаться при улаживании споров. У этих племен существует обычай обмениваться детьми, которые кроме родного языка учат язык племени, принявшего их на

воспитание. Впоследствии они выступают в качестве послов или переводчиков при решении межплеменных споров. Строгие законы, существующие у обеих сторон, обеспечивают им безопасность.

Представители крайне малочисленных языковых общностей, живущих в окружении более крупных, обычно овладевают несколькими соседними языками. Такие люди могут играть важную культурную роль в качестве посредников и переводчиков.

Возможно и другое решение проблемы межкультурного общения, когда носители двух или нескольких родственных языков со смежными ареалами понимают язык соседей, хотя и не говорят на нем. В подобных ситуациях все участники общения говорят на родном языке, а партнеры их понимают. Это называется пассивным двуязычием (или многоязычием). Оно в особенности распространено у носителей различных тюркских или

монгольских языков в Средней Азии, но встречается также в отдельных областях Африки и Новой Гвинеи.

Лингва франка

Во всех вышеприведенных случаях общение происходит на языке, который по крайней мере для одной из участвующих в нем групп является родным. Часто бывает и так, что роль средства межэтнического общения выполняет язык, не являющийся родным ни для одного из собеседников. Такие ситуации

возникают в общении как европейцев, так и неевропейцев, скажем, когда француз, норвежец, венгр и японец разговаривают между собой на английском языке. Такой язык, используемый для общения людьми из разных стран, называется лингва франка. В мире существует немало подобных языков, и их статус связан с целым рядом причин. Такой причиной может быть то, что носители этого языка обладают привлекательными для остальных чертами культуры или же достигают культурного или политического превосходства над другими, что придает престижность их языку в глазах тех, кто говорит на

Слева: спортивные занятия в школе в предместье Парижа.

На с. 7: жители деревни направляются на поля (остров Ява, Индонезия).

иных языках. Многие лингва франка обязаны своим возникновением торговым связям, когда носители определенного языка везут свои товары во все концы света, а с ними и свой язык, которому их покупателям приходится учиться, по крайней мере в элементарном объеме. Примером такого рода торговых лингва франка служит суахили в Восточной Африке, малайский в Ост-Индии (впрочем, в настоящее время уступивший место индонезийскому) и многие языки Новой Гвинеи. В прошлом на «шелковом пути», пересекавшем всю Азию, в качестве торговых лингва франка использовались иранские языки, такие, как согдианский и среднеперсидский, а в более поздние времена — новоперсидский язык.

Языки-пиджины

Большинство торговых лингва франка в этой своей функции сильно упрощаются, оставаясь полнокровными языками в тех сообществах, для которых они являются родными. Некоторые торговые языки превратились в пиджины (гибридные), то есть в языки, в которых грамматика и словарный запас обедняются и искажаются. Среди примеров такого рода можно назвать русско-китайский пиджин, употреблявшийся в XVIII—XX вв. в районах

Сибири на границе России и Китая, ряд пиджинов, возникших на базе языков местного населения в некоторых частях Новой Гвинеи в период, предшествовавший началу контактов с европейцами, и пиджин, бывший в ходу между инунтами и индейцами Аляски в XIX в.

Чаще, однако, пиджин как средство общения возникает, когда представители цивилизации метрополии устанавливают колониальное господство над коренным населением. Нередко такие языки тем не менее становятся лингва франка для людей, говорящих на разных местных языках. Так часто бывает в тех регионах, где существует большое языковое многообразие, например в Папуа—Новой Гвинее и некоторых областях Африки, Южной Америки и на севере Сибири. Грамматический и звуковой строй таких пиджинов воспроизводит в той или иной степени особенности языка (или языков) местного населения, в то время как словарный запас основывается обычно (хотя и не всегда) на языке метрополии с добавлением элементов местного происхождения. Многие из этих пиджинов там, где они еще в ходу, вытеснив породившие их языки, стали основными для местного населения. Такие языки получили название креольских.

Тем не менее в мире существуют области,

где пиджинам, при всей их огромной важности и широком распространении, не удалось (или же удалось лишь в очень ограниченной степени) вытеснить местные языки. В числе таких регионов — Новая Гвинея и прилегающие районы, где вследствие многообразия существующих языков роль, выполняемая несколькими крупными пиджинами, очень велика, но коренное население тем не менее продолжает сохранять родной язык, ставший для него наиболее значимым символом этнической и культурной самобытности.

Многие пиджины, тесно взаимодействуя с языком метрополии, из которого они черпают немалую часть своего словарного запаса, постепенно сближаются с этим языком грамматически и лексически, переходя на стадию постпиджинизированного (или посткреольского) языка. В конечном счете они превращаются в ненормативный диалект языка метрополии.

Язык религии и власти

Другим типом языков межэтнического общения являются миссионерские (или церковные) языки. Это языки местного населения, которые первоначально использовали в своей деятельности европейские миссионерские организации. При расширении границ деятельности миссионеров они продолжали использовать этот язык в других районах, тем самым придавая ему черты искусственно внедряемого лингва франка. По мере свертывания миссионерской работы во многих частях света и укоренения введенных европейцами религиозных культов эти языки в некоторых случаях превратились в светские лингва франка.

Сходная ситуация складывается там, где колониальная или оккупационная админи-

страция выбирает один из местных языков в качестве рабочего. Обычно такой язык широко распространен в данной области и пользуется определенным престижем. Так, голландцы ввели нормативный малайский язык как официальный язык делопроизводства и общий для всех лингва франка на территории, ныне называемой Индонезией. Подобным же образом власти Индонезии постколониального периода ввели в качестве государственного языка индонезийский еще до официального провозглашения независимости страны. (Индонезийский язык основывается на нормативном малайском, что облегчило его внедрение.)

Примером введения языка завоевателей в качестве универсального на покоренной территории может служить принудительное внедрение языка племени инков кечуа в Перу. Это произошло незадолго до появления испанцев в Южной Америке.

Еще один тип лингва франка — это языки метрополии, связанные с колониальным или подобным ему правлением в прошлом или в настоящем. Даже после обретения колониями независимости эти языки в большинстве случаев сохраняют функции лингва франка, обыкновенно в группах населения, составляющих элиту общества, и получают все большую популярность, в особенности у молодежи, за счет сокращения использования других видов лингва франка, в частности пиджинов.

Шествие богов, произносящих заклинания, — сюжет, изображенный на фреске, украшающей гробницу в Монте-Альбано, в одном из центров цивилизации сапотеков доколумбовой эпохи (Мексика, ок. V—VII вв.).

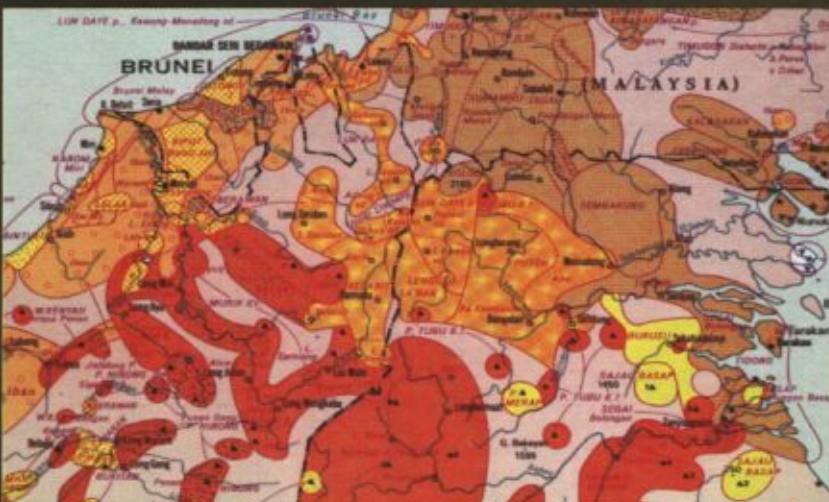
П-в Малайзия

Составляя карту языков

Таиланд

Эти три карты взяты из «Language Atlas of the Pacific Area»¹ (1981), подготовленного под общей редакцией Стивена Верма и Широ Хаттори. Атлас вышел в серии, издающейся при поддержке Международного совета по философии и гуманитарным исследованиям и при финансовом участии ЮНЕСКО, для которой сохранение и возвращение к жизни находящихся под угрозой исчезновения языков является частью программы по сохранению культурного наследия. Уже выпущены атласы языков Китая и Кореи, а в издательстве Routledge (Лондон) только что увидел свет «Atlas of the World's Languages». Готовятся к печати и атласы языков межкультурного общения стран Тихоокеанского региона, стран Африки и коренного населения Южной Америки.

1. Опубликован в Канберре Академией гуманитарных наук Австралии в сотрудничестве с Академией Японии. Распространение осуществляет GEO CENTER, D-7000 Stuttgart 80, Germany.

Северная часть о-ва Борнео

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ВАВИЛОН

■ Петер Мюльхауслер ■

Лингвистическое многообразие — фактор, значение которого еще недооценивается.

В Библейском повествовании о вавилонской башне говорится, что потомки Ноя попытались воздвигнуть башню до самого неба, но Господь, осудив их за гордыню, лишил общего языка, который давал им возможность понимать друг друга. Это повествование, в котором языковое разнообразие изображается как Божья кара, многие столетия определяло отношение Запада к языкам, в результате которого возникло убеждение, что лингвистическое многообразие по сути своей является нежелательным. Мне же, напротив, представляется, что этот факт следует рассматривать не как проблему, а как важный источник и что имеется настоятельная необходимость пересмотра политики и практики, которые в настоящее время угро-

жают существованию многочисленных малых языков. Если этого не произойдет, то навсегда будет утрачена возможность получить знания и опыт, накопленные значительной частью человечества.

Положительные стороны единого языка

Было сделано немало попыток заменить естественное разнообразие языков человечества одним. К этому стремились философы европейского Просвещения, а во второй половине XIX в. — приверженцы искусственных языков вроде волапюка и эсперанто, приобретших миллионы сторонников по всему свету. Многие эсперантисты уповали на то, что этот язык когда-нибудь станет не только всеобщим вспомогательным языком, но на более поздней стадии и единственным оставшимся в мире. Мощным источником вдохновения для тех, кто предан идее устранения лингвистического многообразия, служит идея современного национального государства. В единстве языка часто видят необходимый для формирования новых наций связующий компонент. Еще 200 лет назад родным языком большинства уроженцев Франции был отнюдь не французский, сегодня же жители этой страны, для которых родным является не французский, составляют все сокращающееся меньшинство. Процессы, в прошлом протекавшие в Западной Европе, в наши дни повторяются в таких странах, как Индонезия, где *бахаса индонезия* из мало распространенного, игравшего чисто вспомогательную роль превратился в основной язык страны и в недалеком будущем, очевидно, станет родным для большинства индонезийцев.

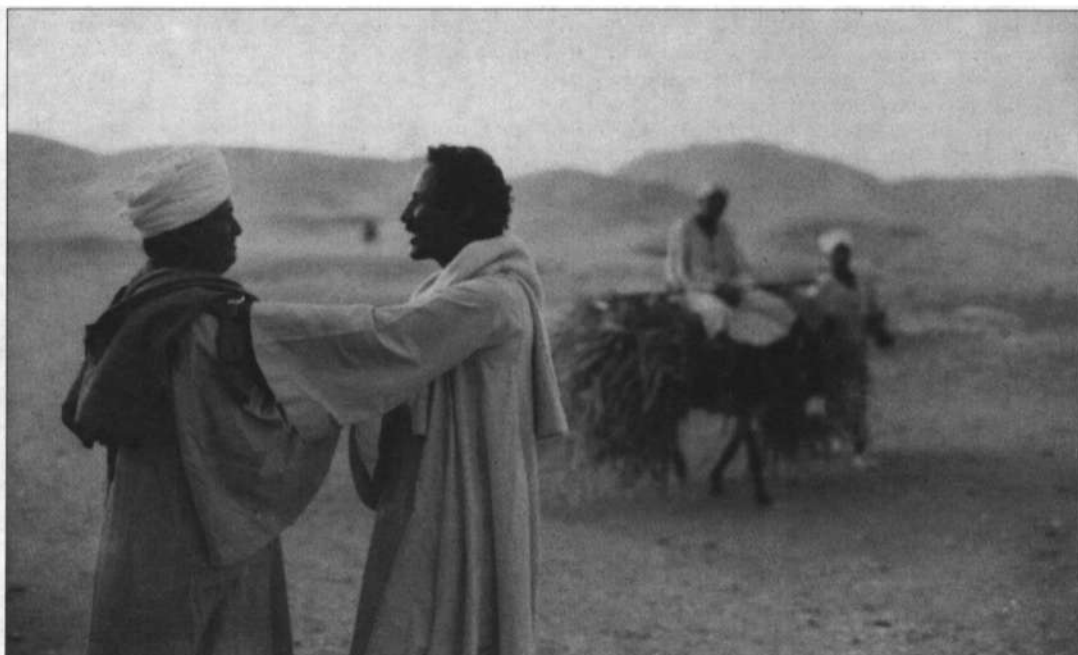
Не будет преувеличением сказать, что зачастую выбор единого общенационального языка рассматривается как необходимая предпосылка любой модернизации общества. Независимо от того, на какой язык падает выбор — будь то заимствованный, как, скажем, английский, французский, русский или китайский язык, или же разработанный

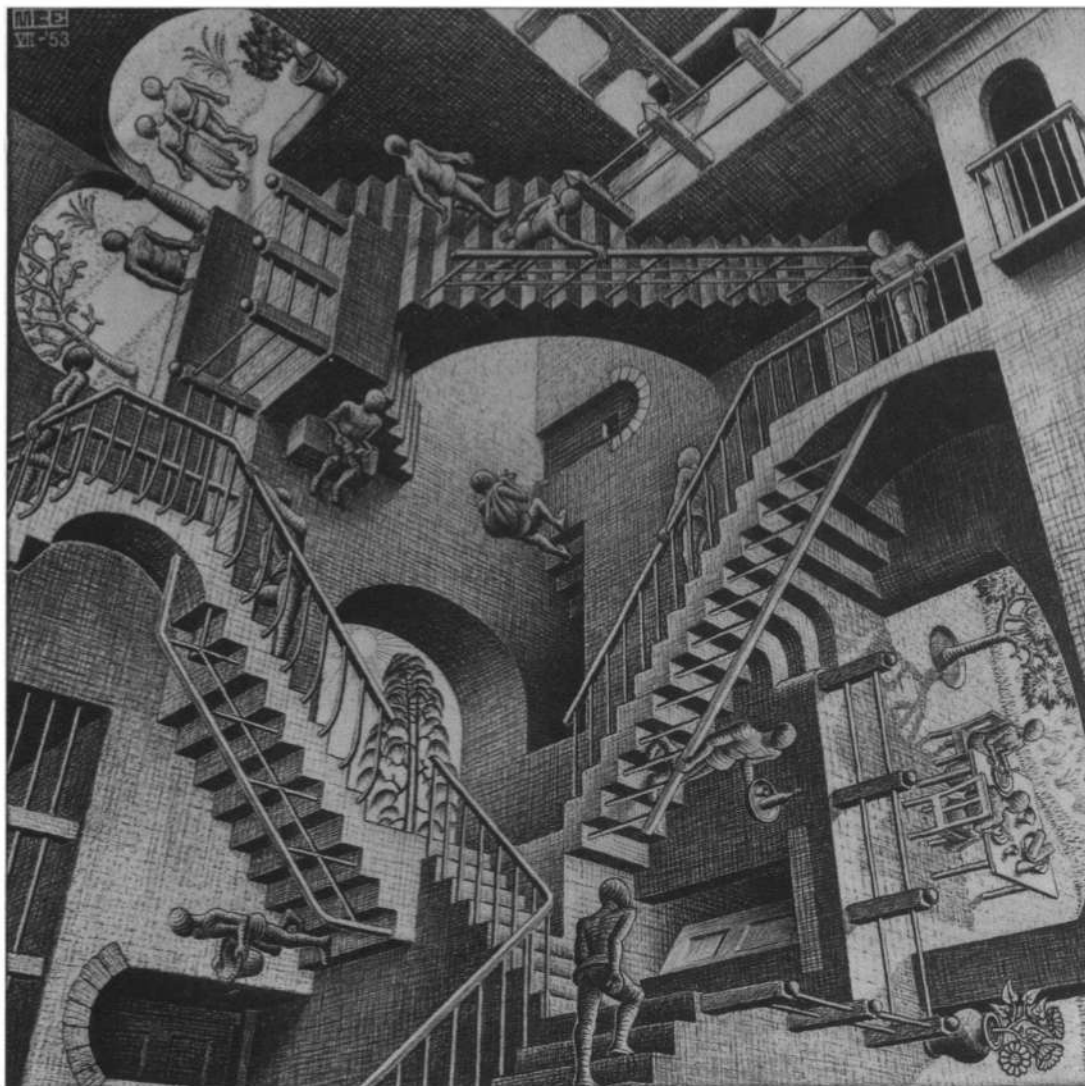
недавно, как тагальский, — главным требованием к нему является наличие полной эквивалентности при переводе, то есть он должен выражать понятия и нюансы, необходимые в условиях современной цивилизации. Но эта ориентация на полную языковую переводимость имеет и свой нежелательный побочный эффект, а именно гибель малых языков как несовременных и бесполезных. Процессы стандартизации, протекающие в области языка, можно сравнить с обеднением видового разнообразия животного и растительного мира планеты. И те, и другие процессы вызваны лучшими побуждениями — в первом случае стремлением упростить общение, во втором — стремлением обеспечить продовольствием растущее население Земли. К сожалению, это происходило без должного понимания природы и функции многообразия.

В последние годы обнаружилось большее осознание важности биологической диверсификации, а совсем недавно стали приобретать силу голоса защитников языкового и культурного многообразия. Тем не менее важность проблемы лингвистического многообразия все еще не получила поддержки широкой общественности, как и идея о том, что «экология языка» требует не меньшего внимания, чем экология природы. А ведь между ними есть определенное сходство. Во-первых, все проявления существующего в наши дни многообразия — это результат длительных процессов: если говорить о биологическом многообразии, то это миллионы лет, а о лингвистическом — то это период по меньшей мере в 100 тыс. лет. Естественное многообразие утрачено, восстановить его нелегко, несмотря на достижения биоинженерии и лингвистического конструирования. Вторая, не менее важная черта сходства состоит в том, что как языковое, так и природное многообразие является функционально значимым. Существование на сегодняшний день 10 тыс. языков отражает необходимость адаптации к различным природным и социальным условиям. Языки — результат прогрессирующей специализации и тонкого приспособления к меняющемуся миру.

На с. 10: «Вавилонская башня» (1990, холст, акриловые краски). Работа французского художника Робера Комба.

Справа: приветствие, принятое у жителей пустыни (Египет).

Единство или многообразие?

Чтобы понять характер этой адаптации, нужно сопоставить две теории, касающиеся отношения между языком и миром. Одна из них, известная как теория картографирования (или теория ярлыков), утверждает, что мир един, но состоит из множества частей и что каждый язык вырабатывает свой набор условных обозначений (ярлыков) этих частей. Согласно этой теории, лингвистические различия носят внешний характер и все языки полностью взаимно эквивалентны при переводе.

Согласно второй теории, видение картины мира и ее отдельных частей в большинстве случаев формируется и поддерживается фактором языка. Носители разных языков, следовательно, воспринимают мир по-разному, а различные языковые системы многими путями выделяют и отселяют разнообразные аспекты многогранной реальности.

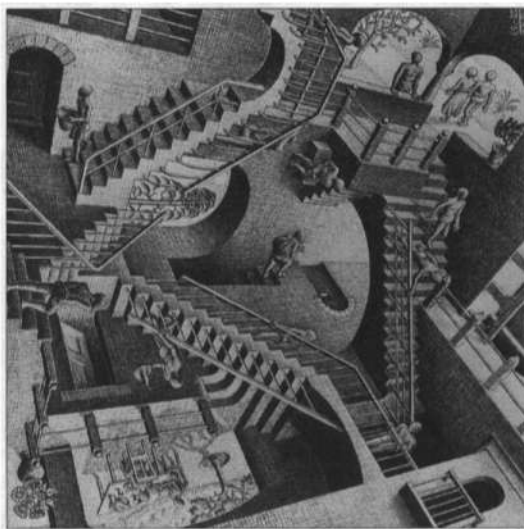
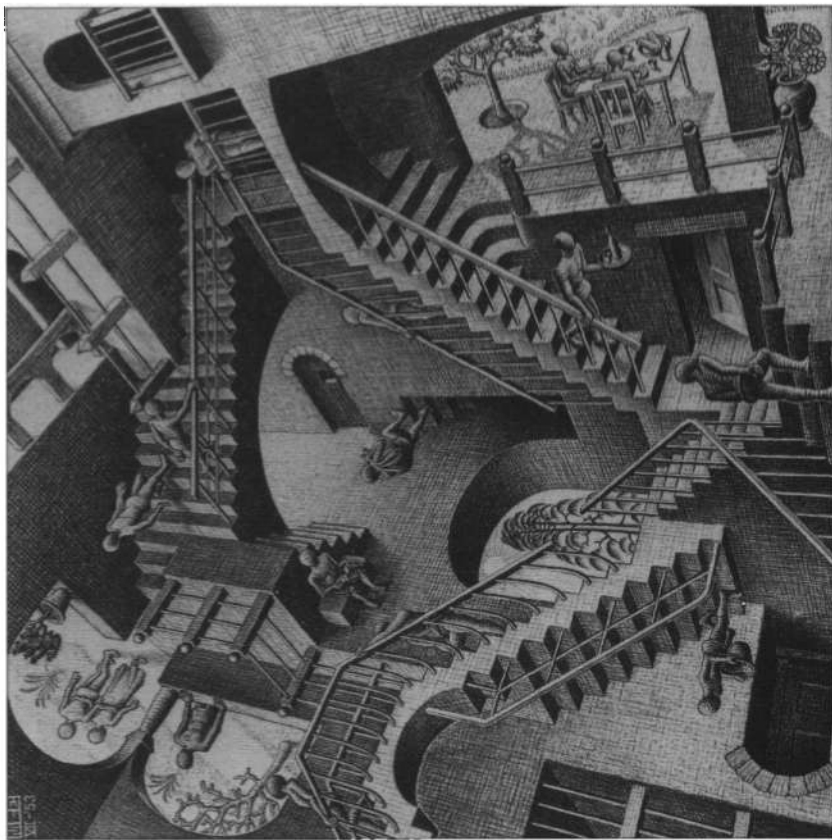
Если принять эту концепцию, любой язык можно будет рассматривать как рабочую модель мира настолько сложного, что единственный шанс постичь его состоит в том, чтобы рассмотреть его под возможно большим числом углов зрения. Если мы будем считать любой язык итогом длительной истории человеческих усилий в познании мира, нам, быть может, станет понятнее, почему лингвистическое многообразие — ско-

рее бесценное подспорье, чем помеха на пути прогресса.

Несходное восприятие реальности разными языковыми системами передается различными способами. Это может быть несовпадение лексики, различия в информации, передаваемой грамматическими средствами, наконец, разное понимание того рубежа, который отделяет утверждение, считающееся буквальным, от того, которое следует понимать как метафору.

Практически все виды человеческих знаний зависят от критериев, посредством которых определяются сходство и различие. Врачам, к примеру, необходимо знать, является ли красная сыпь на лбу двух пациентов симптомом одного и того же заболевания; психологам — являются ли две разные формы поведения проявлением одного и того же психического состояния; биологам — принадлежат ли две особи к одному виду животных. В большинстве случаев достоверные критерии сходства и различия установить нелегко, и характер суждений обычно определяют существующие лексические средства.

Область, где этот феномен хорошо изучен, — обозначения цветов. Одна и та же область цветовой гаммы может в одном языке иметь одно название, в другом — два, в третьем — три. Если, скажем, названия зеленого и синего цветов лексически не различаются (как в валлийском языке — *glas*), это значит, что и в реальной жизни разни-

«Относительность» (1953). Литография голландского художника-графика Морица Корнелиса Эшера (1898—1972).

це между этими цветами не придают значения. Существенные различия обнаруживаются между языками и в области ботаники. Там, где определенные растения занимают важную роль в местной цивилизации, лексическая адаптация может достигать поразительной степени тонкости. К примеру, во многих языках Новой Гвинеи существуют десятки различий между видами листьев *codilupe* в зависимости от того, используются ли эти листья для изготовления одежды, в качестве украшений, для магических обрядов или в иных целях. Аналогичную тончайшую настройку можно наблюдать и в западном обществе — в профессиональном языке отдельных групп специалистов, например в языке автомехаников, художников, врачей или банкиров. В одночасье ликвидировать все эти тончайшие нюансы, разработанные

специалистами на протяжении столетий, означало бы колоссально обеднить язык, такой, скажем, как английский, в результате чего говорить о каких-либо вещах можно было бы лишь в самых общих выражениях. А ведь отказ от языкового многообразия имел бы сходные последствия, но уже на глобальном уровне. Утраченным оказалось бы богатство словаря специалистов, а с ним — специальных знаний о явлениях столь разного порядка, как виды снегов, полезные растения, типы погоды или педагогические методы.

Язык и распад традиционных сообществ

Многочисленные примеры такого рода лингвистических различий наблюдаются в вопросах родства. Лингвисты-антропологи собрали большой фактический материал, показывающий, как в разных языках по-разному обозначаются общие свойства и индивидуальные отличия, характеризующие членов семьи. Если в английском языке слово «сестра» («*sister*») означает близкое родство особы женского пола к другому лицу независимо от его пола, то в языке *ток писин* (языке-пиджине в Папуа — Новой Гвинее), подчас отражающем видение мира меланезийцев, слово «сестра» относится к родственнику противоположного пола. Так, брат называет сестру «сестра», но и она называет своего брата «сестра». В некоторых языках австралийских аборигенов и языках Меланезии одним и тем же словом обозначают одновременно деда и внука. В подобных случаях единство наименования обыкновенно означает одинаковое отношение. Такие названия родства укрепляют внутригрупповую солидарность. К примеру, обычай называть одинаково представителей разных поколений может быть средством смягчения проблемы отцов и детей. Того довольно бедного запаса выражений, обозначающих родство, который существует в большинстве современных языков Запада, вероятно, недостаточно для поддержания функционирования сложных разветвленных систем родства и семейных связей. И не исключено, что вытеснение языка коренного народа с его более проработанной нюансировкой родства каким-либо языком Запада, в котором таких нюансов меньше, могло стать одним из факторов, способствовавших распаду традиционных сообществ.

Еще одна область, в которой между языками наблюдаются значительные различия, — это наименование частей тела. Во многих языках, включая некоторые западноафриканские, слово «рука» означает либо всю конечность, либо от пальцев до локтя. Традиционно рукопожатие жителей Западной Африки заключено в пожатии ниже локтя, что отражает иную структуру языка. На моем родном швабском диалекте при обозначении ступни и ноги в целом употребляется одно и то же слово, поэтому я столкнулся с немалыми трудностями, когда начал изучать верхненемецкий диалект, где существует такое различие. Меланезийцы говорят, что у собаки две руки и две ноги, а не четыре лапы, а сороконожки считаются многорукими, а не многоногими.

Большинство приводившихся выше примеров иллюстрируют различные способы, которыми в языковых системах производится

лексическая разбивка достаточно осязаемых реалий — скажем, цветовой гаммы, растений и людей. Но есть и другие, гораздо менее доступные чувствам реалии, восприятие которых находится в еще более тесной зависимости от языка. Таковы, к примеру, переживания или умонастроения. Немецкое слово «*Gemütlichkeit*» не совсем соответствует английскому «*cosiness*» (уют, уютность), а слово «депрессия» не эквивалентно старомодному слову «меланхолия». Отсутствие в некоторых полинезийских языках слов, обозначающих печаль и уныние, по-видимому, отражает отсутствие соответствующих явлений в самой жизни.

Языковой фактор играет еще более непосредственную роль в формировании философских и религиозных подходов. Так, в языке сохраняется смысл таких идей, как солипсизм, «убеждение, заключающееся в том, что единственная существующая или по крайней мере доступная познанию реальность — это сам субъект», или такие понятия, как фонема в лингвистике и флогистон в химии XVIII в. В старых полинезийских языках смерть выражается целым рядом слов, обозначающих процесс от потери сознания до полного распада тела. Этот лингвистический спектр отражает существующую практику перезахоронения.

Еще одно важное различие между языками касается способов, посредством которых говорящий вынужден различать тех, к кому он обращается. Эта проблема хорошо знакома англоговорящим, которые при изучении, например, французского языка сталкиваются с тем, что местоимение второго лица единственного числа *you*, являющееся нейтральным в английском языке, нужно переводить *tu* или *vous* в зависимости от степени вежливости или дружеского расположения. При употреблении существительных в некоторых языках вовсе отсутствует категория числа, в других же, вроде фиджийского, говорящий каждый раз должен уточнять, имеются ли в виду один, два, три, несколько или более предметов. В некоторых языках горцев Новой Гвинеи нельзя сказать просто: «Свинья сломала изгородь». С помощью грамматических окончаний говорящий должен указать, был ли он очевидцем этого события, или же он узнал об этом с чужих слов, или же пришел к такому выводу на основе своих умозаключений.

Фигурально выражаясь

Выражение различий в социальном статусе, числе предметов или степени достоверности информации может порождать любопытные казусы. Интересно, как выглядит реклама на *айво*, языке жителей Соломоновых островов, в котором всем названиям, относящимся к бесполезным предметам, следует добавлять приставку ненужности? Чтобы описать на *айво* атомную станцию, не следует ли придумать приставку, обозначающую предмет, несущий в себе потенциальную угрозу?

Влияние некоторых семантических различий может быть столь велико, что оно побуждает языковые системы давать совершенно разные интерпретации реальности, которая может быть описана событийно либо предметно. Многие общепринятые европейские языки можно отнести ко второму классу, так

как им присуща тенденция превращать глаголы, обозначающие процесс, в существительные абстрактного, предметного характера. Так, например, предметом изучения лингвистики является не речевая активность, а некий объект, именуемый языком, и поэтому, если речь всегда предполагает участие людей и определенную пространственно-временную ситуацию, абстрактное понятие «язык» указывает на объект, который анализируется как «вещь в себе».

Не менее важное значение приобретает в западных языках понятие причинности. Такие глаголы, как «учить» и «лечить», можно перефразировать как «побуждать к учению» и «побуждать к выздоровлению». А ведь существует и совсем иной, не менее обоснованный взгляд на то, что происходит в школе и в кабинете врача, о чем свидетельствует такой язык, как *винту*, на котором говорят калифорнийские индейцы и в котором предпочтение отдается интерпретациям с использованием «комитативного падежа», передающего соучастие. Согласно представлениям индейцев *винту*, доктор принимает участие в выздоровлении пациента, а учитель разделяет успехи ученика. И совсем не доказано, что причинное видение подобных вещей является залогом лучшего преподавания или более успешной практики лечения.

Наконец, языки различаются и своим метафорическим аспектом, определяющим менталитет нации. В жизни западного общества господствует небольшое число метафорических выражений. К примеру, пословица «время — деньги» стимулирует такую практику, как почасовая оплата, стремление сэкономить за счет более быстрого выполнения работы, и мнение о том, что время можно использовать с разной степенью эффективности. Само собой разумеется, такое метафорическое выражение не встречается в нерыночных традиционных обществах, где работа и ее результат не измеряются количеством затраченного времени. Другая стержневая западная метафора — метафора «управления»,

На с. 15: танцовщица из университета изящных искусств (Пномпень, Камбоджа). Ее наряд представляет собой прямоугольное полотно, которое прилаживают и сшивают заново перед каждым выступлением.

Внизу: таитянка (Французская Полинезия).

представление о некоем правителе Вселенной, установившем законы природы. Эта метафора пустила настолько глубокие корни в сознании, что ученые воспринимают ее буквально и убеждены в том, что им под силу открыть законы природы. Убеждение это начало ослабевать лишь совсем недавно, в результате открытий, сделанных авторами теории хаоса. Неврологи в настоящее время начинают оспаривать представление о том, что механизм изучения языка подчиняется правилам и системам правил, — представление, являвшееся догмой в лингвистике в течение многих десятилетий. Вполне возможно, грядущие прорывы в области научного мышления могут быть стимулированы метафорами из других культур, где отсутствует представление о подчиненности мира законам.

Экологические дискуссии дают разительный пример плодотворности языкового многообразия. Западные языки бедны средствами выражения разных аспектов окружающей среды. Если рядовой житель стран Запада может назвать лишь несколько съедобных растений, то индейцу Южной Америки известны их многие сотни.

В настоящее время «зеленая» тематика получает все большее признание, расширяется и «зеленый» словарь. Теперь у нас есть такие слова, как «биоразнообразие», «рециклирование» и «неэтилированный бензин», но не все эти термины одинаково пригодны для дискуссии по проблемам экологии. К примеру, под словом «ресурсы» продолжительное время подразумевались как возобновляемые, так и невозобновляемые ресурсы, а понятие разрыва между человеком и окружающей его природой, отраженное в термине «окружающая среда», отсутствует в большинстве языков народов мира.

Присущие западным языкам антропоцентризм и абстрагирование предполагают раздробленное видение мира, в отличие от других языков, воспринимающих его как единое целое.

Симптоматично также недостаточно четкое разграничение отношений зависимости в таких языках, как, скажем, в английском, где притяжательное местоимение «мой» может употребляться в трех случаях:

Мой ребенок (он зависит от меня).

Мой отец (я завишу от него).

Мой муж (зависимость друг от друга).

В языке *баррай* (Папуа — Новая Гвинея) этим трем категориям соответствуют три четко разграниченные местоименные формы. Кстати, любопытно, что в языке *баррай*, чтобы выразить понятие «моя земля», употребляется местоимение, подразумевающее взаимозависимость, потребность в равновесии между человеком и его землей. Метафоры западных языков, касающиеся земли, противопоставляют человека и внешний мир и несут идею о человеке как о «царе природы». Метафоры, появившиеся совсем недавно, — скажем, «космический корабль Земля» — служат подкреплением все той же идеи, что планета существует лишь для блага людей, а «забота об окружающей среде» является новой версией старого мифа о владычестве человека над всем сущим.

Мне представляется, что жители Запада замкнуты узкими рамками своих языков, что является одной из главных причин отсутствия подлинного прогресса в области экологических наук. Пример дискуссии по проблемам экологии иллюстрирует опасность языкового и культурного однообразия и показывает, сколь необходимы различные подходы (а значит, и различные языки) для решения стоящих перед миром задач.

ПЕТЕР МЮЛЬХАУСЛЕР, немец; преподавал лингвистику в Политехническом университете (Берлин) и в Оксфордском университете (Австралия). Член совета колледжа Линейк (Оксфорд) и действительный член Академии общественных наук Австралии.

ВЫБОР НИГЕРИИ

■ Айо Бамгбозе ■

Трудный поиск единого языка общения в стране, где существует четыреста языков.

В развивающихся странах вопросы языка, как правило, редко рассматриваются как приоритетные — только в случаях, когда возникают разногласия относительно проводимой в языковой сфере политики. Нигерия не представляет собой исключение. Экономические проблемы здесь воспринимаются как более важные и неотложные, чем языковые.

Тем не менее пережитые со времени обретения независимости экономические, политические и общественные потрясения выдвинули на передний план проблему языка как решающего фактора обеспечения общественно-политической стабильности государства. В результате вопросы, касающиеся языка, обсуждались и в ходе двух Конституционных ассамблей, созданных для выработки новых конституций, и в рамках общенациональных дебатов о форме политического правления и наконец нашли отражение в конституциях, принимавшихся с 1960 г.

В Нигерии, как и в большинстве стран Африки, существует многоязычие. Всего языков (без диалектов) насчитывается около 400. На трех языках — хауса, ибо и йоруба — говорит около половины из 88,5 млн населения страны. Кроме того, еще 10% составляют носители иных языков, говорящие также на одном из главных языков.

Хотя обычно языки Нигерии подразделяются на главные языки и языки меньшинств, такое деление — источник множества заблуждений, ибо существует около десяти основных языков, которые в некоторых штатах выполняют функции главных и уступают по значимости и по численности говорящих на них лишь трем главным языкам страны. Здесь можно назвать канури, ибибио, эфик, тив, иджо, эдо, фульфульде, урхобо, нупе и игала. Но и прочие языки не следует сбрасывать со счетов как языки меньшинств, так как в совокупности численность всех говорящих на них составляет значительную долю населения страны. Можно, таким образом, сделать вывод, что в Нигерии существует три функционально различных типа языков: главные, выполняющие свои функции на общегосударственном уровне, основные, играющие роль на уровне штатов, и языки малых групп, функционирующие главным образом на местном уровне.

АЙО БАМГБОЗЕ, ранее был профессором лингвистики в Университете Ибадана (Нигерия), на протяжении почти 30 лет занимался научными исследованиями и планированием в области языка в странах Западной Африки. Среди опубликованных работ — «A Grammar of Yoruba» (Cambridge University Press, 1966), «Mother Tongue Education: The West African Experience» (Hodder & Stoughton/UNESCO, 1976) и «Language and the Nation» (Edinburgh University Press, 1991).

Многообразие и дезинтеграция

Факт существования в какой-либо стране многоязычия нередко рассматривают как ее внутреннюю проблему. В Нигерии, с ее 400 языками, глубокую тревогу вызывают трайбализм и дезинтеграционные тенденции, а первостепенной задачей считается достижение национального единства. В многоязычных государствах широко распространен миф о тесной связи между языковым плюрализмом и сепаратистскими тенденциями. Здесь важно подчеркнуть, что к дезинтеграции ведет не само многоязычие, а спекуляции на факторе этнической самобытности, увязанной с языковыми различиями. В некоторых странах миф о сепаратистской сущности многоязычия использовался как повод к репрессиям против носителей языков малых этнических групп. К счастью, в Нигерии этого не произошло.

Таким же мифом является представление о том, что единый язык может служить консолидирующим фактором. В Нигерии самым вероя-

ным кандидатом на эту объединяющую роль единодушно считается английский язык, бывший государственным в период колониализма. У английского прочные позиции, поскольку он использовался в системе государственного управления и в системе образования, «объединяя» таким образом верхушки разных этнических групп. Далее, не будучи связанным ни с одной из этнических групп Нигерии, он считается языком «нейтральным». Однако сама по себе общность языка не ведет к объединению, если в соответствующих группах не действуют иные факторы, побуждающие к интеграции. Утверждение же, будто язык бывает нейтральным, просто неверно, так как он неизбежно является носителем культурного багажа представляемой им цивилизации.

С момента обретения независимости политику Нигерии в языковой сфере определяли три важнейших вопроса. Каким должен быть государственный язык страны? Какому языку придать статус общенационального? На каком языке вести обучение?

Английский язык: подавляющее господство

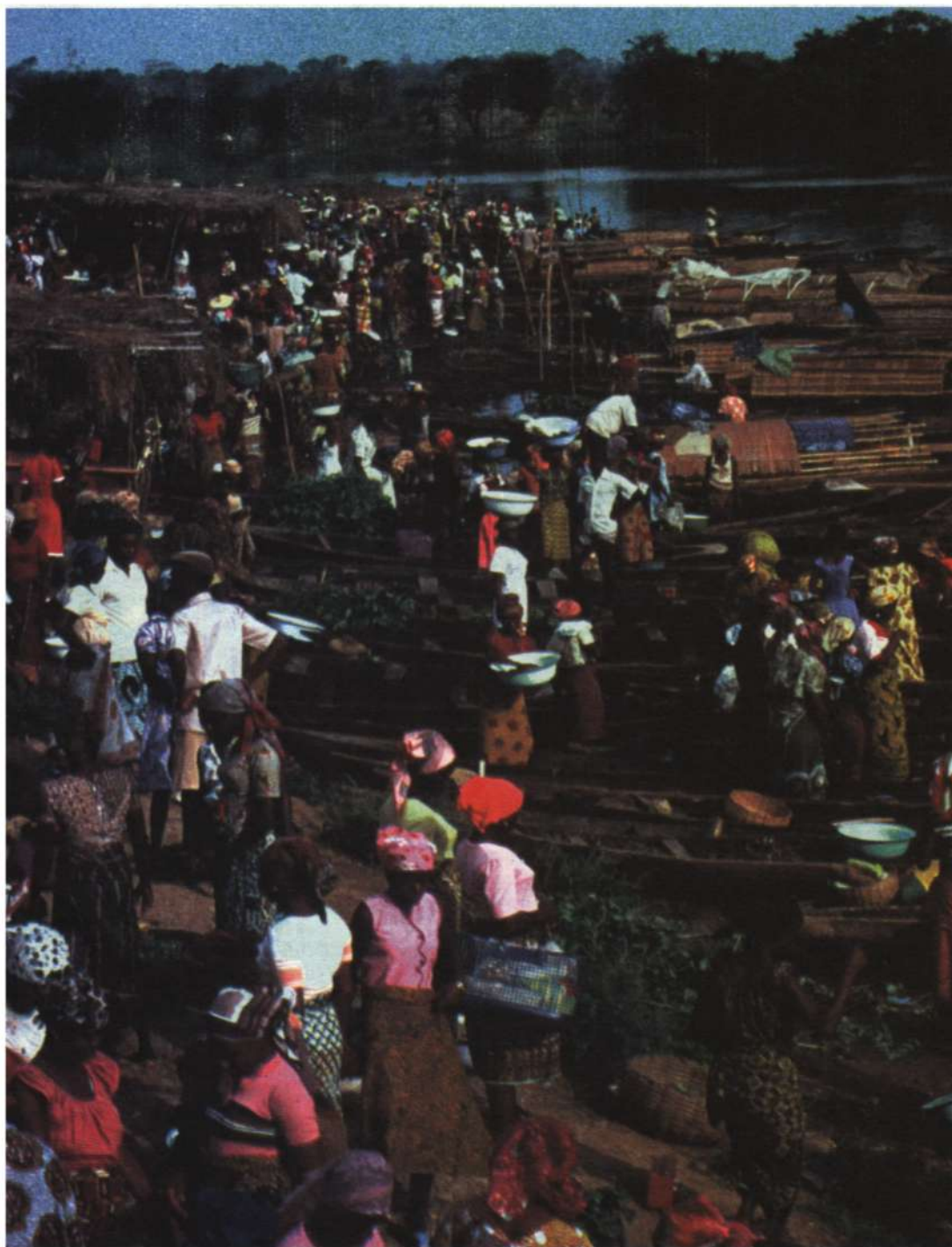
Для некоторых вопрос о государственном языке является уже решенным. Учитывая, что в период колониализма английский язык использовался практически во всех официальных сферах, возможности перемен в этой области практически равны нулю. Господство английского поистине подавляющее. Это язык правительственной системы и администрации, включая деятельность Национальной и Государственной ассамблей, это язык сферы образования почти на всех уровнях, основной язык, используемый средствами массовой информации, язык науки и техники, наконец, язык, на котором пишут многие нигерийские прозаики и поэты. Даже дискуссии о желательности перемен в этой области приходится вести на английском!

Попытки сократить сферы использования английского языка как государственного были на редкость неудачными. К примеру, конститу-

цией 1979 г. предусматривалось использование трех основных языков страны в качестве дополнительных в работе Национальной ассамблеи, но лишь при соблюдении определенных условий: составление терминологии, относящейся к сфере законодательства, подготовка письменных и устных переводчиков, оснащение помещений аппаратурой для синхронного перевода и печатающими устройствами, наличие квалифицированного персонала для выпуска «Nonsard» — официального протокола заседаний ассамблей. Из всех вышеперечисленных требований за сегодняшний день выполнено лишь первое, а это значит, что в работе Национальной ассамблеи не используется ни один из языков народов Нигерии.

Неоднократно обсуждался и постоянно

поднимался вопрос о лингва франка, языке, играющем роль общенационального в масштабе всей страны. Большинство населения из патристических чувств достигло единодушия в том, что это должен быть язык коренной нигерийской народности, но на этом консенсус и закончился, ибо главный вопрос заключается в том, какой из 400 языков Нигерии должен быть избран для выполнения этой почетной роли. Здесь мы вновь сталкиваемся с боязнью чужого господства, когда языковые меньшинства страшатся, что они окажутся в политическом, экономическом и языковом отношении под гнетом носителей главных языков. Среди самих носителей трех основных языков нет согласия по вопросу о том, какому из них быть общенациональным. Некоторые сбившиеся с толку нигерийские тео-

Слева: рынок в Калабаре.

На с. 19: предвыборные плакаты на стенах нигерийского города.

ретики предлагали самые разные решения этой проблемы — начиная с абсурдной идеи создания искусственного языка из элементов нескольких естественных и кончая предложением сознательно избрать язык этнического меньшинства с тем, чтобы «потеснить» тех, кто говорит на языках более многочисленных народностей, и тем самым создать равные неудобства для большинства населения страны. Другие предлагали принять за общенациональный язык другой африканской страны, скажем суахили (Восточная Африка), или же повысить с государственного до общенационального статус английского языка. Официальная же линия правительства состояла в эти годы в том, чтобы поощрять изучение в школе трех главных языков в надежде, что в будущем какой-нибудь из них сможет развиться до уровня общенационального. А это означает, что за отсутствием соперников английский язык будет продолжать выполнять функции общенационального языка, хотя и не называться так. Такое неудовлетворительное состояние дел побудило некоторых аналитиков предложить, чтобы Нигерия приняла в качестве общенациональных три или более языка, подобно тому как в Швейцарии имеется три официальных языка — немецкий, французский и итальянский — и один региональный (рето-романский). Хотя в условиях Нигерии этот вариант может оказаться крайне дорогостоящим, это по крайней мере выход из тупика, при котором английский язык практически остается общенациональным по причине отсутствия альтернативы.

Образование — ключ к переменам

Нелегко менять языковые привычки населения, но хорошую возможность для этого дает образование. По этой причине нигерийская языковая политика в значительной степени обусловлена системой образования. Принципы образовательной политики в области языка таковы: равная доступность языка обучения; основательная подготовка в области родного языка; знание английского языка в совершенстве; овладение еще двумя нигерийскими языками.

Равная доступность языка обучения обеспечивается тем, что на начальной ступени обучение ведется на родном языке или, если это невозможно, на языке ближайшего языкового окружения. Курсы ликвидации неграмотности взрослого населения также проводятся на родном языке слушателей. При такой политике сама по себе малочисленность общности, говорящей на данном языке, не может служить поводом к тому, чтобы пренебрегать им. Здесь, однако, существуют ограничения практического порядка. Некоторые языки еще не имеют письменности, другие изучены не в такой мере, чтобы можно было подготовить на них учебные материалы. В таких случаях обучение ведется на языке непосредственного окружения. Положение дел в этой области не остается неизменным, поскольку все больше языков изучаются лингвистами и обретают письменность.

Основательная подготовка в области род-

Школьный класс в городе Аба на юге Нигерии.

ного языка теоретически обеспечивается обучением чтению, письму и арифметике на родном языке и тем, что в течение первых трех лет начальной школы преподавание ведется на этом языке. Помимо упомянутых выше ограничений, способных помешать реализации поставленной цели, вразрез принципу образования на родном языке нередко идут настроения родителей и опекунов, поскольку многие семьи представителей элиты посылают детей в платные школы, где преподавание ведется на английском.

Знанию английского языка в совершенстве способствует введение его на первом же году начальной ступени и дальнейший переход к преподаванию на английском в течение всего обучения. Однако при том, что на изучение английского отводится огромное количество времени, нигерийцы знают этот язык довольно плохо, о чем свидетельствуют неудовлетворительные оценки в школьном аттестате, равно как и результаты на вступительных экзаменах в университет. Глубинная причина данной проблемы, как представляется, состоит в том, что преподавание английского оторвано от преподавания родного языка. Проводились педагогические эксперименты, когда между тем и другим устанавливалась связь, и это приводило к значительным успехам. Дело не в том, сколько времени изучается язык, а в том, как это делается.

Недостатком существующей практики является, в частности, то, что она исходит из предположения, будто любой учитель начальной ступени способен быть хорошим преподавателем английского языка. Это не всегда так: некоторые учителя начальной школы говорят и пишут по-

английски очень плохо. Превосходные результаты в смысле овладения как английским, так и родным языком показал иной метод — когда английский язык преподают специальные учителя, в то время как преподавание других предметов ведется на родном языке.

И наконец, требование, чтобы каждый нигерийский ребенок овладел одним из трех главных языков в дополнение к родному, призвано создать условия, способствующие в конечном счете возникновению нигерийского лингва франка. Эту политику предполагается осуществлять на уровне средней ступени обучения, в зависимости от наличия учителей. Этой спасительной оговоркой воспользовалось немало школ, а в некоторых штатах местная администрация ничего не сделала для подготовки учителей главных нигерийских языков. Были приняты «мягкие» альтернативы, такие, как привлечение не получивших специальной подготовки носителей языка к преподаванию устной речи, что дало катастрофические результаты. Похоже, реализация намеченной в этой области политики не вызывает особого энтузиазма, что, вполне вероятно, связано с отсутствием единого мнения по вопросу общенационального языка.

В Нигерии существует четкое осознание важности языковых проблем. Нет недостатка и в энергичных попытках решить их путем формулирования адекватной политики. Недостает другого — политической воли. Быть может, это объясняется недостаточной верой в намеченную политику не только у населения, но и у самих разработчиков. ■

ЗЕЛЕНЫЙ СТРАЖ

«КУРЬЕР ЮНЕСКО» — АПРЕЛЬ 1994

МОЖНО ЛИ СПАСТИ АНГКОР?

ФРАНС БЕКЕТТ

В лучах заходящего солнца под крылом самолета виден широкий заболоченный ров, на котором точками выделяются белые цапли, три крытые прямоугольные галереи, террасы и пять высоких, украшенных скульптурами башен Ангкор-Вата. Закат бросает на этот пейзаж розоватый отблеск. Нам посчастливилось лететь над самым известным сохра-

нившимся храмом уникального комплекса памятников — Ангкора (на старокхмерском это слово означает «город», «столица»). Здесь, на равнине площадью в 200 кв. км, на северо-востоке Камбоджи, между плоскогорьем Кулен и Тонлесап (Большим озером), десять правителей, сменявших друг друга на протяжении IX—XII вв., построили семь столиц со множе-

ством храмов. Некоторые из них скрыты в непроходимых джунглях на границе с Таиландом. Здесь нашли убежище красные кхмеры, уничтожившие более миллиона камбоджийцев, находясь у власти с 1975 по 1978 г. Храмы — это все, что осталось от древних столиц, ведь из камня и кирпича воздвигались сооружения только в честь богов. Деревянные же

Реставраторы решили не освобождать некоторые развалины Ангкора от оплетающих их мощных корней гигантских деревьев. На фото — корни дерева карок впились в каменные стены храма Та-Прохм.

МОЖНО ЛИ СПАСТИ АНГКОР?

дворцы и жилые дома бесследно исчезли.

ТУРИЗМ И СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ

Эти удивительно богатые памятники разрушила природа, а не человек. Жара и влажность тропического климата способствуют необузданному росту капока и «удушающих» фиговых деревьев, чьи корни уничтожают памятники.

Сегодня главные храмы очищены от растительности, державшей их в плену. Только храм Та-Прохм был оставлен в том виде, в котором в середине XIX в. его обнаружили сначала французский миссионер Шарль Буйсво, а затем натуралист Анри Муо. Начиная с 1898 г., когда была основана Французская школа специалистов по дальневосточным странам (EFEO), на участке постоянно работали сменявшие друг друга археологи. Они терпеливо очищали храмы от подлеска, разбирали, а затем вновь складывали памятники. В 1908 г. они создали «Хранилище Ангкора», где собрали статуи, которым угрожала наибольшая опасность уничтожения.

По мнению Бернара Филиппа Грослье из EFEO, бывшего хранителя этого объекта, «по количеству, размерам и совершенству сооружений вряд ли что-либо в мире может сравниться с комплексом Ангкора». Но этот шедевр находится в величайшей опасности, и в 1989 г. четыре основные политические партии Камбоджи обратились к ЮНЕСКО с просьбой взять на себя координацию международной деятельности по сохранению памятников Ангкора. В декабре 1992 г. Ангкор был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ввиду масштабности проблем Комитет ЮНЕСКО по Всемирному природному и культурному наследию выдвинул ряд условий включения Ангкора в Список, настаивая на том, чтобы были выработаны юридические основы деятельности по сохранению памятников и план руководства работами, а также создан орган, располагающий средствами для управления всей зоной Ангкора. Первой задачей ЮНЕСКО явилось оказание помощи правительству в организации Камбоджийского управления по охране национального наследия, которое было официально утверждено в феврале 1993 г. Кроме того, Организация работала вместе с правительством Камбоджи и международными экспертами над Планом зонирования территории и управления окружающей средой (ZEMP), предназначенным для органов власти, жертвователей и местных жителей, а также для посетителей. В этом исчерпывающем документе учтены все плюсы и минусы сохранения Ангкора.

Особую опасность для археологических сокровищ представляют лишайники, микроскопические водоросли и бактерии, размножающиеся в помете множества летучих мышей, живущих в руинах. В документе также говорится о разрушительном воздействии муссонных дождей, растительности и изменений, происходящих в водоносных пластах. К другим факторам, способствующим разрушению памятников, относятся бесконтрольная обработка земли после вырубки лесов, тысячи туристов и строительство новых гостиниц вместо старых, уже не отвечающих международным стандартам. Экономика района остро нуждается в доходах от туризма, который,

однако, может нанести и немалый ущерб. Ангкор стал «новым» объектом, включенным туристическими агентствами в маршруты, объединяющие Таиланд, Лаос и Вьетнам. Согласно статистике, в 1992 г. в Сием-Реапе, базе, откуда совершаются экскурсии в храмы, побывало 35 тыс. туристов. Если прогнозы подтвердятся, то в следующие пять лет Ангкор посетят от 300 до 700 тыс. иностранных туристов и от 100 до 500 тыс. камбоджийцев. Цифры весьма внушительны, и 14 крупных гостиниц уже надеются на прибыли. Это вызывает растущее беспокойство, поскольку раньше рядом со рвом Ангкор-Вата без учета особенностей этой территории были построены две гостиницы. (Впоследствии они были сожжены красными кхмерами.) Пройдет еще немного времени, и в этих местах будут проводиться увеселительные лодочные прогулки, откроются тематические парки, и искусственными огнями заиграет неоновая реклама.

Чтобы избежать такого осквернения Ангкора и в то же время способствовать развитию района, ZEMP предлагает разделить его территорию на зоны. Согласно этому документу, предполагается обеспечить максимальную защиту парков Ангкора, в которые войдут пять древних столиц, в том числе Ангкор-Ват, Ангкор-Тхом и Преах-Кхан. Все они будут находиться в пределах Культурного заповедника Ангкор. Однако никаких ограничений в отношении тех, кто захочет переселиться на постоянное жительство в эту зону, где уже проживают 350 тыс. человек, делаться не будет. Это касается и методов ведения сельскохозяйственных и лесных работ.

СРЕДИ МИННЫХ ПОЛЕЙ

Многое еще предстоит сделать в отношении водных ресурсов, прежде чем Ангкор сможет вернуть себе былую репутацию «водной столицы». Процветание древних империй Ангкора было тесно связано с ирригацией. Для защиты района от наводнений и подачи воды в засушливые сезоны из огромных резервуаров была построена сеть плотин и каналов; все они теперь заброшены, за исключением одного (западного), который был восстановлен в нашем столетии. Рвы вокруг храмов служили одновременно связанными границами и источниками воды и пищи, поскольку в них водилась рыба и произрастали лотосы, плоды которых содержат мунистое вещество, пригодное для выпечки хлеба. Однако в наши дни рвы покрылись илом и заросли.

Району Ангкор угрожает еще одна опасность. Согласно подсче-

Скульптуры в заповедной зоне храма защищены от воров колючей проволокой.

там, в северной Камбодже заложено около 12 млн мин. Французская компания COFRAS, обучающая камбоджийцев обезвреживанию мин, пытается расчистить восемь минных полей, выявленных в Ангкоре. Уже обнаружено местонахождение 360 мин. Единственная возможность добраться до храма Та-Неи и восточного входа в Ангкор-Тхом — так называемых Врат смерти — идти вслед за саперами. Ведь на минах уже подорвалось огромное число людей, как взрослых, так и детей. К тому же поблизости действуют вооруженные отряды красных кхмеров, терроризирующие местное население.

В этих условиях очень трудно препятствовать разграблению скульптур, что с каждым годом приводит ко все большему разрушению святилищ. Воры стамесками отбивают барельефы с изображением апсар, небесных танцовщиц, снимают головы статуй, а то и уносят их целиком, причем даже те, которые весят больше тонны. Протесты камбоджийского правительства, ЮНЕСКО и Международного совета музеев (ИКОМ) не оказывают никакого воздействия на торговцев, которые получают огромные барыши за статуи.

Координация международной помощи в деле сохранения памят-

ников Ангкора, которую камбоджийское правительство доверило ЮНЕСКО, является трудной задачей. В настоящее время раскопки ведутся только в одном месте. Французская школа специалистов по дальневосточным странам проводит исследование Террасы прокляженного царя. Без координации деятельности и при отсутствии политической решимости Ангкор может стать жертвой недобросовестных бизнесменов, наживающихся на любопытстве туристов и на бедности местного населения.

Ангкору принадлежит особое место в памяти человечества. Будем надеяться, что международное сообщество примет срочные меры для спасения, охраны и рационального использования этого уникального сокровища. ■

ФРАНС БЕКЕТТ,
 франко-американская журналистка,
 специализирующаяся на проблемах
 окружающей среды.
 С 1985 г. занимается
 осуществлением программы
 подготовки африканских
 журналистов (ВНАД—ЮНЕСКО).

Аэрофотоснимок храма Ангкор-Ват — шедевра кхмерской архитектуры начала XII в.

Сок деревьев добывают традиционным способом с применением огня. Этот сок используют как горючее в лампах и для законопачивания лодок.

УГРОЗА — МИНЕРАЛЬНАЯ ПЫЛЬ

Согласно данным ВОЗ, здоровье миллионов рабочих во всем мире, занимающихся добычей, переработкой и использованием полезных ископаемых, подвергается риску. Люди в течение многих лет вдыхают частицы пыли, которые оседают в легких и могут стать причиной серьезных заболеваний, таких, как пневмокониозы (например, силикоз и асбестоз), бронхит, эмфизема и рак легких. Степень риска заболевания зависит от длительности воздействия минеральной пыли. В Зимбабве 20% рабочих страдают от силикоза после 20 лет работы на золотых приисках, в медных и хромовых копях. В Индии больные силикозом составили более 50% среди рабочих, занятых в производстве грифелей, 35 — среди каменотесов и 30% — среди шахтеров, добывающих свинец и цинк. ВОЗ рекомендует проводить тщательное медицинское обследование рабочих, что не всегда легко сделать в бедных странах. Возможно, в качестве первого шага следовало бы внимательно ознакомиться с методами ведения горных работ. ■

области агрономических исследований в целях развития (CIRAD) и предназначенной для стран Сахеля и побережья Гвинейского залива. Более подробную информацию можно получить по адресу: CIRAD/PRIFAS, BP 5035, 34032 Montpellier cedex 1, France. ■

ряду тем, включая ядерную энергию, биоразнообразие, кислотные дожди и парниковый эффект. ■

КОМИКСЫ ПРОТИВ САРАНЧИ

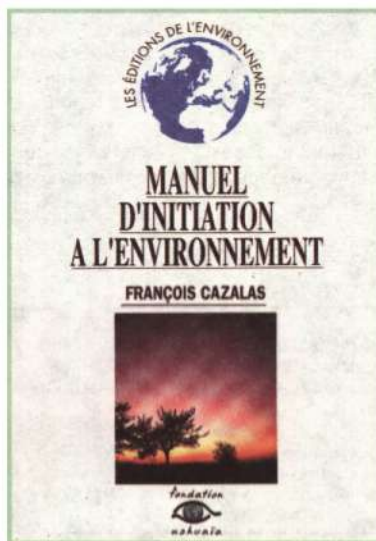
Букари — мелкий фермер в Сахеле. Ему надоела собственная беспомощность перед тучами саранчи, уничтожающей его посевы, поэтому он стал посещать курсы, где его научили пользоваться химикатами в борьбе с этим прожорливым насекомым. Вернувшись в свою деревню, он поделился полученными знаниями со своей общиной. Эта история рассказывается в необычной книге комиксов, изданной для Французского центра международного сотрудничества в

ВВЕДЕНИЕ В ЭКОЛОГИЮ

ЮНЕСКО предоставила фотоматериалы для книги Франсуа Казала «Manuel d'initiation à l'environnement» (Les Editions de l'Environnement, Paris), предназначенной для неспециалистов, в которой рассказывается о планетарных проблемах окружающей среды. В книге дается общий обзор проблем окружающей среды, за которым следует фактический материал по

УГРОЗА МОРСКОЙ ЖИЗНИ

Два столетия назад морское млекопитающее весом до 10 т, известное как морская корова Стеллера, безмятежно обитало в ледяных водах северной части Тихого океана. Потребовалось 27 лет, чтобы эти безобидные млекопитающие с вкусным мясом исчезли в результате охоты на них с помощью гарпуна. Новое исследование «Global Marine Biological Diversity, A Strategy for Building Conservation into Decision Making», опубликованное Центром сохранения морской жизни (Вашингтон, США), показывает, что сегодняшние обитатели моря находятся в большой опасности, и призывает к защите всей цепочки жизни морей и океанов. Как указывается в работе, ухудшение их состояния объясняется главным образом загрязнением воды и использованием морской флоры и фауны выше уровня их естественного восстановления. Но существуют и другие факторы, наносящие вред морской жизни, такие, как ловля рыбы траловыми сетями, строительство в прибрежной зоне, внедрение новых видов флоры и фауны, а также внесение в атмосферу веществ, повышающих ультрафиолетовое излучение и вызывающих изменение климата. Издание этого исследования частично финансировалось Всемирным банком, в него вошли статьи более 100 авторов из 40 стран. По вопросу приобретения

книги обращайтесь по адресу: Center for Marine Conservation, 1725, DeSales Street NW, Suite 500, Washington D. C. 20036, U. S. A. ■

СЧАСТЛИВЫЕ ЖУРАВЛИ

С того дня в 1600 г., когда буддийский монах заметил возле строящегося монастыря в Джакаре двух серых журавлей с черными шеями, эти птицы считаются в Бутане священными. Серые журавли прилетают из Тибета в октябре и остаются в Бутане до марта; жители долины, в которой они кормятся, относятся к птицам с благоговением. Но туристы, стекающиеся толпами, чтобы посмотреть на журавлей, часто подходят слишком близко к местам их ночлега и пугают птиц вспышками фотоаппаратов и светом факелов. Местные жители рекомендуют туристам не беспокоить птиц, и их усилия не пропали даром. В прошлом году в долине Пхобжекха было замечено 175 журавлей, в то время как в 1992 г. их было только 139. ■

ЗАПОВЕДНИКИ ДЛЯ КИТОВ?

На 45-м заседании Международной комиссии по китобойному промыслу, состоявшемся в прошлом году в Киото, Доминика, Гренада, Япония, Республика Корея, Норвегия, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины и Соломоновы острова голосовали против продления международного моратория на коммерческий китобойный промысел. Впоследствии Норвегия сообщила о своем намерении выловить 296 карликовых полосатиков для научных целей. (Северо-восточная атлантическая популяция карликовых полосатиков составляет около 80 тыс. особей.) Есть надежда, что еще до заседания Международной комиссии в 1994 г., которое состоится в Мексике, будет принято решение о создании Южного океанического заповедника китов в Антарктике. Между тем положение с китами продолжает оставаться критическим. ■

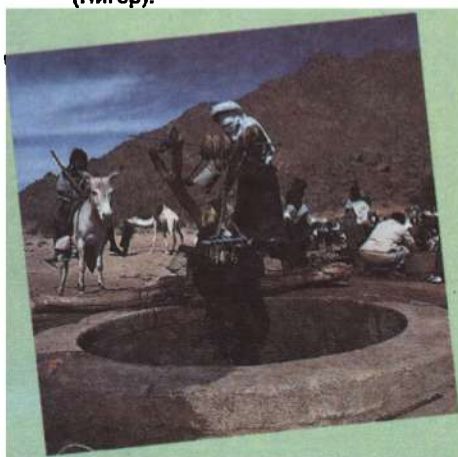
МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Инкубатор для черепах *Chelonia mydas* на Аравийском побережье Пакистана недалеко от Карачи.

Штаб-квартира Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП) находится в светлом, полном воздуха здании, стоящем среди маисовых полей недалеко от Женевского озера в Швейцарии. Этот влиятельный орган, созданный в 1948 г. совместно ЮНЕСКО и Францией, объединяет 62 суверенных государства, 99 правительственных учреждений и 575 неправительственных организаций. Своей деятельностью ему оказывают поддержку более 6 тыс. специалистов всего мира, работающих на общественных началах. Программа МСОП, подготовленная в 1991 г. совместно с такими организациями, как Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и Всемирный фонд по охране природы (WWF), вошла в документ «Забота о Земле». Если стратегия, выработанная в этом документе, будет осуществлена, то наш образ жизни и пути развития позволят сохранить природу. Однако предстоит выполнить огромную задачу: «Меньше чем за 200 лет планета потеряла 6 млн кв. км лесов... расход воды вырос со 100 до 3600 куб. км в год... С середины XVIII в. в результате деятельности человека более чем в 2 раза увеличилось количество метана в атмосфере, на 27% возросла кон-

Кочевники-туареги набирают воду из колодца в массиве Аир (Нигер).

центрация углекислого газа, значительно уменьшился озоновый слой в стратосфере».

Перед лицом этой ситуации МСОП совместно с правительствами разработал индивидуальную национальную стратегию примерно для 50 стран. Чтобы повысить эффективность своей деятельности, организация стремится к децентрализации, более чем две трети состава секретариата МСОП работают сейчас в региональных и национальных бюро по всему миру. Акцент на региональную политику способствует также более активному привлечению к деятельности местного населения, что является единственным способом сращения охраны окружающей среды и устойчивого развития. К приоритетным задачам МСОП относится спасение видов, поддержание биоразнообразия, сохранение естественной среды, сохранение болотных угодий, национальных парков и охраняемых зон.

В Конго, например, МСОП помогает разработать план деятельности заповедника фауны Конкуати и огромного влажного леса в районе озера Теле. В Коста-Рике, где ежегодно сводится 8% единственного оставшегося низинного тропического леса на Атлантическом побережье, окружающего небольшой Национальный парк Тортугуэро, МСОП вместе с Европейской комиссией пытается убедить крупнейшего местного землевладельца уменьшить распыление пестицидов на его плантации.

Одна из наиболее значительных национальных программ МСОП осуществляется в Пакистане, где в марте 1992 г. была принята национальная стратегия охраны природы, а в Восьмом пятилетнем плане впервые появился раздел об окружающей среде. С 1987 г. МСОП также осуществляет крупную программу в Сахеле (Африка), где он помогает правительствам Буркина-Фасо, Мали, Мавритании, Нигера, Сенегала и Чада разработать национальную стратегию охраны природы и планы сохранения болотных угодий, лесов, полупустынных пастбищ, а также охраняемых зон. При осуществлении планов важно заручиться поддержкой местных жителей.

С опытом МСОП могут познакомиться не только государственные, но и неправительственные организации, ассоциации и частные лица благодаря публикации документов, книг, брошюр и бюллетеней, многие из которых изданы на нескольких языках. Более подробную информацию можно получить по адресу: Information Office of IUCN, 28 rue Mauverney, CH-1196 Gland, Switzerland. ■

ГИБЕЛЬ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СЕВЕРА

■ Владимир Беликов ■

Многие языки мира находятся на грани исчезновения. История малых народов Севера — наглядный пример угрозы многообразию культур.

В то время как в других частях земного шара изменения в области культуры и языка — это результат спонтанного процесса, в России они часто оказывались прямым следствием решений, принимавшихся партией и правительством. Вскоре после Революции была провозглашена политика культурного строительства, целью которого было развитие национальных культур и языков и построение принципиально нового типа культуры — «национальной по форме, социалистической по содержанию».

Первые достижения этой политики действительно впечатляли. В небольшой деревне на Полтавщине, где жили в основном шведы, местное делопроизводство велось на шведском языке; вышел в свет первый (и, возможно, последний) букварь на цыганском языке; государство дотировало выпуск периодики на родном языке для небольших, компактно живших групп эстонских и латышских поселенцев в Сибири. Действительно, на какое-то время расхожим лозунгом становится выражение «расцвет национальных культур».

Культурная ассимиляция

К сожалению, к середине 30-х годов расцвет стал сменяться упадком. Власти обнаружили, что проводимая ими политика не только не способствует строительству коммунизма, а подчас и тормозит его. В результате стала негласно поощряться линия на культурную ассимиляцию национальных меньшинств, хотя официально она никогда не провозглашалась.

В некоторых, особенно сельских, районах, где традиционно было сильным влияние Русской православной церкви, культурные различия между людьми разных национальностей были сравнительно невелики, а этническая самобытность национальных меньшинств была выражена не столь ярко, результатом аккультурации стала постепенная, но устойчивая утрата языковой и культурной специфики.

Так, например, на протяжении веков русские жили в низовьях. Печоры бок о бок с

Оленья упряжка на Камчатке.

финно-угорским народом коми, основным коренным населением этой области. С течением времени количество живущих здесь русских увеличивалось, и соответственно усиливалось влияние их языка, так что в конце концов преподавание в местных школах перешло исключительно на русский язык, а все коми стали двуязычными.

Много лет назад в одной из лингвистических экспедиций мне встретился рыбак-коми, который рассказал мне о пойманной утке. Этот рассказ он закончил совершенно удивительной фразой, корни слов и служебные слова в которой были русскими, а грамматический строй его родного языка сохранился: «Снимитім кольцѳѳѳ и узнайтім, что чирокыс зимуйтѳѳа Франциян». Сам рассказчик, пожалуй, не видел ничего необычного в этом предложении, он говорил так всегда.

Я был на Печоре двадцать пять лет назад и не знаю, говорят ли там еще на этом смешанном диалекте. Но даже если говорят, это не меняет дела — язык вымирает; он подвергся столь сильному влиянию русского, что перестал быть средством сохранения национальной культуры коми. Такая языковая смесь не имеет никаких шансов выдержать конкуренцию с русским языком даже в сфере повседневного бытового общения, особенно в ситуации последних десятилетий, когда на Печоре были открыты нефтяные месторождения и сюда хлынули тысячи приезжих, а сами коми из рыбаков сделались промышленными рабочими.

История коми — это типичный пример смены языка в процессе аккультурации. Однако это не единственный возможный результат взаимодействия разных культур. В том случае, если межкультурный контакт начинается внезапно, одна из культур может погибнуть «скоропостижно», особенно если встретившиеся культуры далеки друг от друга и одна считается «примитивной», а другая престижной. Утрата национальной культуры может иметь самые трагические последствия для более слабой этнической группы, приводя к повышению уровня преступности, пьянству, сокращению средней продолжительности жизни, то есть к упадку и физическому вымиранию самого народа. Эта угроза нависла над многими уникальными в культурном и языковом отношении народами Сибири и Дальнего Востока.

Как умирает культура

В конце XVI и в течение XVII в. русские, почти не встречая сопротивления, постепенно заняли

огромную территорию, получившую название Сибирь. Им даже не приходило в голову, что это чужие земли. В течение столетий Россия просто не имела восточной границы, и русские первопроходцы продвигались все дальше на восток. Большая их часть осела на юге Сибири, в узком поясе, пригодном для земледелия, а те немногие, кто двинулся дальше на север, подчас утрачивали родной язык.

Коренные национальные группы продолжали вести традиционный образ жизни практически до 30-х годов XX столетия, когда началась интенсивная разработка лесных ресурсов и полезных ископаемых Крайнего Севера. В традиционном обществе не бывало специального «обучения культуре» — девочки с раннего детства учились у матерей тому, что должна знать и уметь женщина, мальчики перенимали навыки мужских занятий у отцов и старших братьев. Авторитет стариков был непререкаемым, а по всякому важному делу — будь то лечение больного, поиски пропавшего предмета или проводы души в мир мертвых — обращались к помощи шамана (само слово «шаман» заимствовано из языка тунгусов).

Ситуация начала меняться в 1924 г. с созданием Комитета помощи народам Крайнего Севера. Этот комитет способствовал созданию

различных учреждений, призванных помочь малым народам перейти от «первобытно-общинного строя к социализму» — при жизни одного поколения.

В конце 20-х годов на Крайнем Севере и Дальнем Востоке появились первые русские учителя. В это же время были созданы учебники для начальной школы по крайней мере на 13 языках малых народов. По содержанию эти учебники были одинаковы: биографии Ленина и Сталина, рассказы о преступлении царизма, о подвигах революционеров, об успехах индустриализации и коллективизации.

Были в этих учебниках и разделы, посвященные местной тематике. Суть их сводилась к тому, что традиционная культура — это нелепая смесь невежества и предрассудков, а старики, носители этой культуры, не обладают ни ценными знаниями, ни полезными навыками, что шаманы — это агенты контрреволюции, которые обманывают народ и, преследуя свои корыстные цели, пытаются помешать строительству светлого будущего.

В те годы никто не задумывался над вопросом, приложимы ли коммунистические теории к традиционным обществам охотников и собирателей. Считалось, что коллективизация и индустриализация станут экономической базой

Komnata

ausikci

tatusikci

Ausikci. Tatusikci.

gəgvini.

digasikci

ɲuasikci

Ḑigasikci. ɲuasikci.

Справа: рассказчица сказок народа коми.

На с. 28: иллюстрации из удэгейского букваря, на которых изображена жизнь в школе-интернате. Этот букварь был сожжен в 1938 г. по приказу властей.

новой социалистической культуры, а складывавшийся тысячелетиями порядок землепользования и общественный строй были объявлены реакционными. Так народы лишились своих земель и вод, составлявших основу их существования.

Враг народа

В то время как национальные культуры постепенно уничтожались, языки коренных народов некоторое время еще продолжали употребляться, особенно в школьном обучении. Однако уже в 1938 г. Евгений Робертович Шнейдер, автор и переводчик первых книг на удэгейском языке, был объявлен врагом народа, арестован и расстрелян. Один из моих информантов вспоминает, как в их стойбище приехали работники

НКВД, забрали из школьной библиотеки и из домов все книги на удэгейском языке, свалили их во дворе и сожгли. Костер горел всю ночь, а утром мой информант, в то время мальчик, ухитрился украсть свою любимую книгу сказок, уже полуобгоревшую. Так на удэгейскую письменность был наложен запрет.

В скором времени катастрофа постигла языки и других малых народов. Началась политика школ-интернатов, где дети воспитывались в полном отрыве от своих семей. Первоначально интернаты были созданы для детей полукочевых народов, небольшие группы которых были рассеяны по огромным территориям, постоянно перебираясь с места на место за стадами оленей или в поисках лучших охотничьих угодий. Однако вскоре интернаты появились и в крупных поселках, так что и здесь дети могли видеться с родителями лишь по воскресеньям.

Слева: становище оленеводов коми в тундре.

Справа: жилой квартал Сыктывкара, столицы Коми.

Постепенно единственным языком обучения стал русский. Иногда детям даже запрещали говорить в школе на родном языке. Родители не возражали, впрочем, если бы и возражали, вряд ли бы кто-то прислушался к их мнению: дети уже считали собственных родителей отставшими от жизни, преемственность поколений была нарушена. Даже народные сказки, важнейший элемент духовной жизни традиционного общества, оказались утраченными.

Тем временем численность русского населения в отдаленных районах Сибири возрастала, и его вес в местном управлении увеличивался. Ни приехавших русских, ни местное партийное руководство, состоявшее из русских, нисколько не интересовали традиции и реальные нужды коренных народов. Так продолжалось до 1957 г., когда было принято постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему экономическому и культурному развитию народов Севера». Этим постановлением был вынесен смертный приговор многим языкам малых народов.

Необратимый процесс

Ключевым мероприятием, которое предусматривало это постановление, было укрупнение поселков, где жили представители малых народов, и перенос их на новые, более удобные, с точки зрения властей, места. На деле это означало закрытие школ, магазинов и медпунктов в «неперспективных» старых поселках и насильственное перемещение людей с родных земель, где веками жили их предки. Так народы лишились своих исконных охотничьих угодий и мест рыбной ловли и оказались рассеянными в массе численно превосходящего их пришлого населения. В результате даже те народы, которые имели закрепленную за ними автономную территорию, в новых поселках превратились в незначительное меньшинство. Примером может служить динамика этнического состава населения Чукотского автономного округа. За период с 1926 по 1989 г. общая численность населения округа возросла в одиннадцать раз, с 15 тыс. до 164 тыс., однако доля чукчей упала с 79% до 2,4%, а процент русских и иных приезжих увеличился с 2% до 95,3%.

В настоящее время степень сохранности национального языка зависит от того, как сложилась общая этноэкологическая ситуация в районе, где он распространен; наличие письменности на родном языке мало влияет на процесс его утраты. Приведу два противоположных примера: историю орочского и нганасанского языков. И тот, и другой являются бесписьменными, их не преподают в школе, на них не издается литература.

Исконный ареал орочей — материковый берег Татарского пролива напротив острова Сахалин. Этот район подвергся массовому наплыву русских в 30-е годы, когда после строительства железной дороги здесь возникли морские порты и города. В изменившейся обстановке традиционной культуре не было места, и молодежь не видела смысла в изучении какого-либо другого языка, кроме русского. В результате к 1989 г. лишь 15% орочей сохранили какое-то знание родного языка.

Напротив, нганасанам, кочующим с оленьими стадами по полуострову Таймыр, удалось сохранить многие элементы традиционной национальной культуры. Территория, где они живут, отличается крайне суровым климатом и потому не привлекала приезжих. Даже негативного воздействия системы школ-интернатов нганасаны не ощущали вплоть до 60-х годов. Перепись 1989 г. показала, что 90% коренного населения сохранили знание родного языка.

В последние годы перестройка вызвала возрождение национального самосознания у многих народностей бывшего СССР, но это почти не коснулось малых народов Севера. В течение нескольких последних десятилетий вся талантливая молодежь народов Севера уезжала из своих поселков, привлеченная русской культурой. Многие остались в городах, другие вернулись на Север учителями и врачами, но уже утратив этнические корни.

Попытки возродить в полной мере языки и культуры малых народов Севера в настоящее время, к сожалению, обречены на провал. Люди подчас стыдятся говорить на родном языке или чем-то отличаться от русских. Многие предпочитают жениться и выходить замуж за русских. «Дети будут красивее, — поясняют они, — и счастливее».

ВЛАДИМИР БЕЛИКОВ, старший научный сотрудник тихоокеанского отделения Института востоковедения РАН. Начиная с 1989 г. работает над серией учебников на языке малого народа удэге, живущего на Дальнем Востоке России.

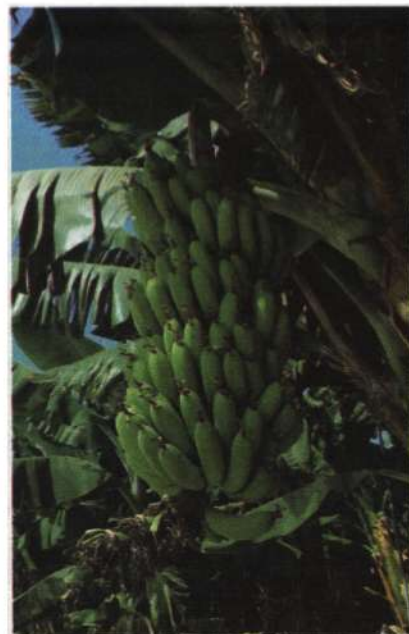
ЦЫПЛЕНОК И БАНАН

К числу самых удивительных языков, существующих в мире, относятся языки островов Санта-Крус, архипелага вулканического происхождения, расположенного между Соломоновыми островами и островами Вануату (ранее — Новые Гебриды) в юго-восточной части Тихого океана. На этих родственных языках, составляющих небольшую группу, говорят около 5 тыс. человек. Замечательны же они тем, что скрупулезно подразделяют предметный мир на разряды или классы, которых насчитывается порядка 40, причем каждому классу соответствует специальный префикс.

Некоторые классы слов отражают сложный образ мышления. Так, к примеру, в одном из языков данной группы, айво, основное значение морфемы раа — «щепка», но она всегда употребляется с префиксом, указывающим на класс. В сочетании с префиксом пуи-, обозначающим класс заостренных предметов, она дает пуи-раа, что означает «лучина» (буквально «заостренная щепка»). С префиксом по-, относящимся к не полностью обособившимся частям единого целого, превращается в по-раа, что означает «куски коры, отстающие от ствола дерева». Если морфеме раа предшествует префикс пуо-, указывающий на движение вдаль, получается пуо-раа, что значит «вид стрелы». При добавлении префикса те-, обозначающего класс предметов чужеземного, в особенности полинезийского, происхождения, оно образует те-раа, что значит «гвоздь».

Другая морфема такого рода — -тодуи, означающая «понятие правой руки и физической силы», также употребляется лишь с префиксом класса, так что в сочетании с ю-, префиксом, указывающим на приобретение чего-либо трудом и усилием, она дает ю-тодуи, что значит «маленькое тесло». В сочетании с префиксом то-, смысл которого «простирается», -тодуи превращается в то-тодуи, означающее «небольшое каноэ с выносными уключинами». А вместе с оуā — префиксом класса мангровых — оуā-тодуи значит «вид мангрового дерева с очень крепкой древесиной».

Другой особенностью языка айво является то, что многие из его существительных представляют собой описательные выражения, в которых за основу взят глагол и добавлен префикс класса. К примеру, глагол ва означает «быть незрелым». При добавлении префикса ги- (класс людей мужского пола) получается ги-ва, что значит «мальчик», при добавлении префикса си- (класс людей женского пола) — си-ва, что значит «девочка». Ме-ва означает «младенцы» (без указания пола), поскольку те- — префикс класса людей, рассматриваемых собирательно. Ри-ва означает «подростковый, юношеский» (ри- — префикс класса людей, не достигших зрелости). Вā- — префикс класса кур, так что вā-ва означает «цыпленок» а u-ва — «маленький

незрелый банан», так как u- — префикс класса бананов.

Подобные системы множественных предметных классов (хотя и с меньшим числом последних) встречаются и в других языках земного шара, но языки островов Санта-Крус уникальны в том отношении, что используют еще и другую, крайне сложную систему классов принадлежности, где выбор одного из многочисленных классов принадлежности в каждом конкретном случае определяется тем, какого рода сам предмет принадлежности. К примеру, если нужно сказать, что цыпленок принадлежит вам, для обозначения понятия «мой» могут быть взяты разные слова в зависимости от того, видят ли в этом цыпленке пищу или домашнего любимца. Но это еще не все. К избранному для выражения понятия «мой» аффиксу принадлежности нужно будет прибавить префикс класса кур.

Глаголы также делятся на классы, обозначаемые префиксами, в зависимости от того, осуществляется ли действие, передаваемое глаголом, рукой, каким-либо орудием или ножом. К примеру, вā-gāte означает «разорвать рукой», в то время как tā-gāte — «разорвать (каким-либо) орудием», а lā-gāte — «разрезать ножом». Существуют также префиксы, указывающие на действия, связанные с затратой энергии или же с единичным физическим напряжением и т. д.

Кроме того, существует система глагольных предикативов для указания места действия по отношению к говорящему, то есть совершено ли оно близко от направления движения говорящего или того, к кому обращаются, и, наконец, направления действия.

Vā-va — цыпленок и **u-va** — маленькие бананы.

Текст составлен Стивеном Вермом по данным, предоставленным носителями языков о-вов Санта-Крус (особо следует отметить вклад Патрика Бваколо, Джона Меалуэ и Ини Лапли).

Преодоление межкультурного барьера в Австралии
иммигрантам-китайцам порой стоит не меньше нервов, чем
изучение чужого языка.

ПОДАРКИ И ПРОМАХИ

Цзя Тянь

НЕДАВНО китайка, прожившая более двадцати лет в Австралии, поведала мне следующую историю. Вскоре по приезде в эту страну (она уже свободно говорила по-английски) по случаю ее дня рождения приятельница-австралийка устроила обед. Когда она пришла, ее ждал подарок, завернутый в красивую бумагу. Рассыпавшись в благодарностях, она быстро спрятала пакет. Озадаченная ее реакцией, австралийка спросила: «Разве вы не хотите развернуть и посмотреть его?» Китайка ответила: «О, нет-нет! Только не сейчас! Ни в коем случае!» Лишь много позже она поняла, что нечаянно совершила ошибку, нарушив традиции чужой культуры. Если у китайцев считается неучтивым разворачивать подарки тут же на глазах у дарящего, то в культуре англо-австралийцев существует прямо противоположный взгляд на эти вещи.

Часто говорят, что одна из величайших трудностей, с которыми сталкиваются приехавшие в чужую страну, является язык. Действительно, многим австралийским иммигрантам азиатского происхождения английский дается нелегко. Но, даже превосходно говоря по-английски, они не застрахованы от грубых ошибок в своем поведении в обществе, так как они не знают обычаев и ценностей иной культуры.

Язык и ритуалы

Если иммигранты не отдадут себе отчета в существовании межкультурных различий, они рискуют столкнуться с неприятностями. Когда на улице встречаются два человека, воспитанные в традициях китайской культуры, они обычно задают вопросы вроде: «Куда вы идете?» или «Вы уже поели?». Подобные приветствия люди англоязычной культуры могут посчитать бесцеремонными и вообще странными, потому что в культуре большинства англоязычных стран широкое распространение получила идея неприкосновенности частной жизни. Типичный австралийский способ приветствовать людей связан с вопросами «Как поживаете?» и «Как дела?». Несмотря на то что в них выражается забота о благополучии того, к кому обращаются,

в действительности никто не воспринимает их буквально. Это всего лишь ритуальные приветствия, имеющиеся в большинстве языков. Как правило, на них ждут ритуального ответа типа «Прекрасно» или «Неплохо», хотя тот, к кому обратились, может чувствовать себя и неважно. Многим иммигрантам-китайцам трудно понять, почему на подобные вопросы их друзья и коллеги англо-австралийцы ждут от них положительного ответа, а не правды. Некоторые спрашивали меня: «Если им неинтересно знать, как я себя чувствую, тогда зачем вообще задавать эти вопросы? Чистейшее лицемерие!» Быть может, понадобятся годы, чтобы они осознали, что делают свои выводы, основываясь на нормах и правилах своей культуры.

Англо-австралиец подчас может приветствовать знакомого и так: «Привет! Ты великолепно выглядишь!» Говорящий при этом отнюдь не хочет похвалить вкус своего знакомого, а просто в тактичной форме спрашивает его: «Скажи, пожалуйста, к кому ты идешь (куда направляешься)?» Ответ может быть следующим: «Сегодня у меня встреча с боссом» или «Сегодня у нас вечеринка».

Во многих азиатских культурах существует правило, согласно которому, столкнувшись на улице с приятелем или знакомым, полагается

На с. 32—33: улица в Бруме (Западная Австралия).

Справа: Добро пожаловать в китайский квартал Сиднея!

остановиться и обменяться приветствиями, после чего следует краткая или продолжительная беседа, в зависимости от степени знакомства. Просто поздороваться и продолжать путь считается невежливым. Даже если у одного из них срочное дело, все равно необходимо остановиться и учтиво отвечать на вопросы. В Австралии же, где люди ведут себя более непринужденно, вполне допустимо сказать: «Прости, спешу» или просто «Привет!» — и продолжать путь. Иммигрантам-китайцам, далеким от австралийской свободы общения, подобное поведение представляется очень грубым.

«Ешьте! Ешьте! Ешьте!»

Китайские иммигранты подчас совершают оплошности во время приема гостей. Типичен следующий случай. Чета иммигрантов-китайцев приглашает к себе на обед друзей-австралийцев. Когда гости приходят, хозяин с хозяйкой указывают на диван и говорят: «Пожалуйста! М-р и м-с Смит! Садитесь! Садитесь! Садитесь!» Несколько ошарашенные австралийцы садятся без единого слова. После того как всех обнесли напитками, гостей просят к столу. Хозяйка подает кушанья, а хозяин, указывая палочками для еды на пищу, с большой энергией уговаривает гостей: «Пожалуйста! М-р и м-с Смит! Ешьте! Ешьте! Ешьте!» Гостям, незнакомым с китайской культурой поведения, становится неловко, хозяева же со своей стороны повторяют: «Пожалуйста! Не сидите так! Ешьте! Ешьте! Ешьте!» От этого замешательство и недоумение гостей, по-видимому, только усиливаются; про себя они думают, что хозяева довольно странно воспитаны. Тем временем тех все больше озадачивает скованность гостей. Им невдомек, что они только что нарушили правила чужой культуры. Если в Австралии гостеприимство выка-

зывают, говоря, скажем: «Не желаете ли приесть?» или «Прошу вас, будьте как дома», то их китайскими эквивалентами будут: «Садитесь! Садитесь! Садитесь!» и «Ешьте! Ешьте! Ешьте!». Повторение слов «садитесь» и «естьте» — не что иное, как попытка создать радушную непринужденную обстановку. Но хозяева-иммигранты не понимают, что по-английски «Садитесь! Садитесь! Садитесь!» и «Ешьте! Ешьте! Ешьте!» — это глаголы в повелительном наклонении, которое в этом языке используется обычно только для того, чтобы приказывать маленьким детям и собакам. Перенеся схемы поведения, принятые в их родной культуре, в австралийскую обстановку, хозяева добились противоположного эффекта, заставив гостей нервничать и чувствовать себя неловко.

Никогда не говори «нет»

Подарки во многих культурах стран Азии предполагают взаимность и связаны со взаимными обязательствами. К примеру, в китайской культуре тот, кому делают подарок, обязан ответить равноценным; поступить иначе считается нарушением этикета.

Эти отношения взаимного одаривания представляют собой немаловажный аспект бытовой китайской культуры. Они способствуют дружбе, порождают согласие и укрепляют семейные и родственные узы. Напротив, в англо-австралийской культуре подарок считается одним из проявлений благодарности или выражением признания. Получающий его зачастую не несет никакого обязательства перед теми, кто его преподнес. Вместо этого он просто может предложить свою помощь, скажем, в переезде на другую квартиру или в присмотре за домашними животными во время отпуска их хозяев. Из-за различий культур многие иммигранты-китайцы

На с. 34—35: студенты университета Сиднея.

Слева: справляя праздник весны (Чуньцзе), австралийцы как китайского, так и некитайского происхождения исполняют «танец дракона».

бывают обижены, когда их коллеги или друзья англо-австралийцы, получив подарки, отвечают простым «спасибо». Принятие или отклонение приглашения в гости также представляет проблему. В практике китайской культуры придерживаются принципа взаимности в вопросе приглашений на званый обед. Другими словами, полагается вскоре ответить тем же. Получив приглашение, если все нормально, стараются непременно быть на обеде, если же в это время необходимо быть в другом месте или хозяин не вызывает симпатии, приглашение отклоняют, ссылаясь на уважительную причину. Эти ссылки бывают нередко «штык белыми нитками», но хозяин их принимает, понимая, что они облечены в дипломатическую деликатную форму, допущенную правилами культуры.

Наверное, самый большой культурный шок многие иммигранты-китайцы переживают именно в этой сфере. В китайской культуре существует важное понятие «сохранить лицо». В зависимости от конкретной ситуации это можно перевести по-разному: не задеть чью-то гордость или достоинство, не обидеть кого-либо, не

поставить другого в неудобное положение. Отклоняя приглашение, люди, воспитанные в традициях китайской культуры, прилагают все усилия к тому, чтобы «сохранить лицо» другой стороны, избегая оскорбительного слова «нет».

Поэтому некоторые иммигранты-китайцы чувствуют себя глубоко уязвленными, когда австралийцы отклоняют их приглашения, рубя сплеча: «Прости, друг. Сегодня вечером не могу. Нужно починить газонокосилку». Такого рода ответ их часто неприятно поражает или просто кажется им невоспитанным. Недоразумения, возникающие здесь, порождаются в действительности не словами как таковыми, а той раскованностью, которая значительно отличает англо-австралийцев от церемонных китайцев.

Язык — отражение культуры. Иммигрантам не менее важно научиться понимать чужую культуру, чем овладеть языком. В настоящее время обучение иммигрантов языку носит, как правило, узкоцелевой характер. Лишь только когда будет понята динамическая взаимосвязь между языком и культурой, можно будет как следует выучить язык и умело пользоваться им. ■

ЦЗЯ ТЯНЬ, австралийская журналистка; автор множества очерков, статей обзорного плана и заметок, посвященных искусству, театру и кино в разных газетах, журналах и бюллетенях, выходящих на китайском и английском языках. В настоящее время проводит исследование положения иммигрантов из стран Азии в Австралийском национальном университете.

ЮНЕСКО В ДЕЙСТВИИ НОВОСТИ

ИНФОРМАЦИЯ НА ДИСКЕТАХ

Издательством «Джеймс энд Джеймс Сайенс публишерс» (Лондон) выпущено в свет 3-е издание «UNESCO International Directory of New and Renewable Energy Information Sources and Research Centres». Том, содержащий 3864 статьи, представляет собой печатный вариант базы данных ENERGY, информация которой также переведена на дискеты и CD-ROM. База данных ENERGY содержит сведения о правительственных учреждениях, информационных и исследовательских центрах, профессиональных и торговых ассоциациях, сетях филиалов, учебных заведениях и центрах подготовки, банках данных, журналах и справочных изданиях, существующих в 172 странах. Более подробную информацию о базе данных можно получить в ЮНЕСКО — Engineering and Technology Division, UNESCO, 1, rue Miollis, 75732 Paris Cedex 15, France.

ЭЙНШТЕЙН НА ПЛЯЖЕ

Золотая медаль ЮНЕСКО за 1993 г. с изображением Эйнштейна (отчеканена в 1979 г. в честь 100-летия со дня рождения великого ученого) вручена Генеральным директором ЮНЕСКО дирекции австралийского заповедника акватории Большого Барьерного рифа. Медаль вручена в знак признания выдающегося вклада дирекции в дело сохранения объекта Всемирного наследия и в развитие экологического просвещения.

НАГРАДЫ ЗА СПАСЕНИЕ МОРЕЙ

1 марта 1994 г. истек срок подачи заявок от претендентов на

Международную награду за сохранение экосистем Мирового океана, установленную Всемирной федерацией подводного спорта (CMAS) для тех лиц, организаций и компаний, чья деятельность явилась крупным вкладом в дело сохранения морских экосистем. CMAS, основанная в 1959 г. французским исследователем Жак-Ивом Кусто, призвана содействовать развитию подводной деятельности в таких областях, как спорт, наука, образование и археология. В настоящее время членами этой организации являются несколько миллионов человек более чем из 80 стран. Премия CMAS, а также Международная морская премия принца Томохито Микаса будут вручены в сентябре в штаб-квартире ЮНЕСКО (Париж).

ДВЕ НОВЫЕ МЕДАЛИ ЮНЕСКО

Что общего имеют между собой старый Дубровник, иезуитские миссии на землях индейских племен гуарани, Пабло Пикассо, Джавахарлал Неру и, наконец, Всемирная декларация прав человека? Ответ: все они фигурируют на памятных медалях ЮНЕСКО. Начиная с 1974 г. ЮНЕСКО выпустила две серии медалей. Одна изображает памятники и центры культур, которым угрожает опасность, другая посвящена юбилейным датам выдающихся деятелей и годовщинам исторических событий. Медали, в самое последнее время пополнившие эти серии, отмечали соответственно 100-летие со дня рождения каталонского художника Жоана Миро и включение города Потоси (Боливия) в Список всемирного наследия. Приобретая эти медали, которые чеканятся на Парижском монетном дворе из серебра, бронзы и вермеля, вы можете помочь ЮНЕСКО в сохранении культурного наследия и развитии взаимопонимания между народами. Медали распространяются через филателистическую и нумизматическую службу ЮНЕСКО: UNESCO's Philatelic and Numismatic Service, 7, place de Fontenoy, 75700 Paris, France.

ПОПРАВКА

Мы приносим извинения за ошибку, допущенную в статье на с. 72 в № 9—10 за 1993 г., посвященной памятникам Пагана (Мьянма). Во втором абзаце следует вместо «храм Ананда» читать «храм нанпайя». А также за ошибку на с. 75 (фото переставлены местами).

КОММЕНТАРИЙ Федерико Майора

Данная публикация
входит в серию статей,
написанных Генеральным
директором ЮНЕСКО,
в которых он
высказывает свое
мнение относительно
насуточных проблем
современности.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГРАНАДУ

ЮНЕСКО гордится тем, что под ее эгидой в декабре прошлого года в Гранаде (Испания) был проведен международный симпозиум, в ходе которого представители израильской, арабской и европейской интеллигенции обсуждали духовные аспекты израильско-палестинского примирения.

На фоне всех тех геополитических, идеологических и военно-стратегических перемен, которыми отмечен бурный конец столетия, вызывает воодушевление желание примирения, проявленное обеими сторонами, на протяжении длительного времени втянутыми в конфликт столь тотального и глубинного характера, что многие успели потерять всякую надежду на благополучный исход. Если бы в начале 80-х годов кто-нибудь предсказал такие события, как конец «холодной войны», демонтаж апартеида в ЮАР или начало израильско-палестинского диалога, его бы подняли на смех.

Процесс, который привел израильтян и палестинцев за стол переговоров, имеет также огромное универсальное и нравственное значение.

ПРЕОБРАЗУЯ СУДЬБУ

Следует отдать должное творцам этого примирения, тем, кто совершил исторический поступок в Вашингтоне в сентябре 1993 г. Преодолев трагический стереотип обид и недоверия, они продемонстрировали мужество, разум и прозорливость. Радужному обещанию ничем не омраченного будущего, при всей его хрупкости, они предпочли горечь опыта. Поступив таким образом и отважившись на риск, они выказали самые благородные стороны человеческой природы, ибо, как заметил Эме Сезар, «человека отличает особая склонность бросать вызов судьбе, преобразуя ее в историю».

Они поистине бросили вызов судьбе. Но идея мира, ныне чудесным образом озарившая горизонт Ближнего Востока, еще очень хрупка. Всем нам необходимо подключиться к усилиям народов этого региона, чтобы упрочить мир. Для этого, безусловно, необходимы политическое сотрудничество, экономический рост и сокращение расходов на вооружение. Мне, однако, думается, что основная задача заключается в том, чтобы дать идее мира укорениться в умах и упрочить моральную и духовную солидарность отдельных лиц и народов.

Величайшее значение имеют этические, культурные и человеческие аспекты мирного процесса. Без них не может быть жизнеспособным ни одно политическое или экономическое соглашение, в то время как при их наличии культура, основанная на ценностях мира, может прочно утвердиться во всех областях

жизни общества, достигнут расцвета национальные особенности, будут использоваться знания и навыки населения, способности каждого будут развиваться на общее благо.

Почти 50 лет назад ЮНЕСКО своей важнейшей целью определила борьбу с расизмом, антисемитизмом, националистическими предрассудками и стереотипами наряду с защитой мира и прав человека, в надежде не допустить возрождения в какой-либо форме той страшной идеологии, жертвой которой стал еврейский народ. Позднее во имя тех же целей ЮНЕСКО оказывала в ряде стран Ближнего Востока разную помощь палестинскому народу, лишенному суверенитета. На протяжении многих лет израильско-арабский конфликт, постоянно имевший широкий резонанс в международном сообществе, был причиной драматических расколов в ЮНЕСКО.

Эти раздоры ныне остались в прошлом, тогда как ценности, сформулированные в ее уставе — в особенности необходимость защищать идеи мира в умах людей и укреплять ту моральную и духовную солидарность, о которой я упоминал выше, — сияют немеркнущим светом и более актуальны, чем когда-либо.

НОВАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ

Прошлое изменить нельзя. Но будущее, в отличие от прошлого, еще не занесено на скрижали истории и может быть изменено. Это единственная часть общего наследия человечества, которая еще остается нетронутой. Ключ к разрядке напряженности, взаимопониманию, добрососедству, солидарности, примирению и согласию лежит, если можно так выразиться, в памяти о будущем, а не в памяти прошлого. Как бы долго ни продолжался конфликт, всегда наступает момент, когда бывшие противники обмениваются рукопожатием. Нужно бороться, чтобы по возможности приблизить этот момент с тем, чтобы избежать огромных страданий, чтобы люди не умирали за принципы, которые стоят того, чтобы ради них жить.

Безусловно, память тех, кому за долгие годы конфронтации был нанесен физический и моральный ущерб, следует уважать. Этого требует нравственность в той же мере, что и здравый смысл, ибо общее будущее нельзя построить на пренебрежении памятью. Но если забыть прошлое невозможно, нужно решиться открыть новую страницу истории, и тогда память о будущем возобладает над памятью о прошлом. Нужно уметь видеть далее сегодняшней реальности. «Лишь те, кто умеет видеть незримое, могут добиться невозможного». Близорукость в политике уже причинила слишком большой ущерб. Нужно открывать новые горизонты.

Арнольд Тойнби

Путь к сосуществованию

В 1935 г., когда в Европе усиливались диктаторские режимы, Международный институт интеллектуального сотрудничества организовал в Лондоне конференцию, посвященную коллективной безопасности. Среди ее участников был и английский историк Арнольд Тойнби (1889—1975), автор обширного, вызвавшего много споров «Исследования истории» (1934—1961), в котором он пытался выявить законы зарождения и развития цивилизаций. Перед лицом опасностей, связанных с ростом авторитаристского национализма, он в качестве пути к мирному сосуществованию выдвинул идею создания нового мирового порядка, который по взаимному согласию участвующих государств имел бы приоритет по отношению к национальной государственности.

Арнольд Тойнби (1975).

НАШ докладчик, Морис Буркен, объяснил коренное различие между концепциями безопасности отдельного государства и коллективной безопасности следующим образом:

«Государства во все времена стремились к тому, чтобы обеспечить свою безопасность, то есть защитить себя от внешней агрессии. Что они для этого делали? В первую очередь создавали и наращивали свои вооруженные силы; естественная, инстинктивная реакция в таких случаях — это полагаться только на самих себя.

Первоначально возникает политика национальных вооружений, в дальнейшем логически переходящая в политику военных альянсов. В этой политике военных альянсов уже присутствует элемент сотрудничества, впрочем, мало отличающийся по духу от усилий, предпринимаемых отдельными государствами. Чем же отличается коллективная безопасность от национальной? Тем, что здесь целью выступает не частная безопасность отдельных государств, а безопасность всех. Коллективно организованная безопасность направлена не против какой-либо кон-

кретной агрессии, а против войны, как представляющей общую опасность. Организация системы коллективной безопасности — дело новое, являющее собой разрыв с традицией. Существуют ли глубинные причины, побуждающие государства встать на этот путь? Действительно ли эта концепция и создание такой системы лежат в пределах возможного, или же мы имеем дело с утопией, идеей, возможно, соблазнительной, но недостижимой?»

Одно из бросающихся в глаза различий между двумя представлениями о безопасности заключается в том, что концепция безопасности отдельного государства исторически значительно старше концепции коллективной безопасности. Второе понятие, как и указал наш докладчик, возникло совсем недавно, а в качестве практической реализации оно начало изучаться и вовсе на нашей памяти.

Идея безопасности отдельного государства значительно старше, однако, замечу мимоходом, не столь уж древняя. Ей едва ли более 400 лет, а 400 лет — период короткий даже в истории нашего западного мира. Концепция безопасности отдельного государства была бы чужда и враждебна нашим средневековым предкам, которые посчитали бы ее откровенно аморальной и нехристианской, в чем, думается, они были бы правы. В данный момент я хотел бы лишь указать на то, что концепция безопасности отдельного государства господствовала в умах около 400 лет.

И вдруг при жизни нашего поколения приходится осмысливать заново и возвращаться к этой новой для нас концепции безопасности. Возникает вопрос: почему концепция безопасно-

сти отдельного государства, так или иначе работавшая в течение 400 лет, вдруг перестала нас удовлетворять? Полагаю, ответ заключается в том, что вплоть до недавнего времени принцип неограниченного локального суверенитета существовал в европейской внешней политике последних четырех столетий как теория, но отнюдь не как практика. На протяжении большей части Нового времени западный мир был отчасти недостаточно оснащен, отчасти слишком умудрен, руководствуясь старыми добрыми традициями, чтобы довести осуществление принципа локального суверенитета и связанного с ним принципа безопасности отдельного государства до крайнего логического завершения. Только при жизни нашего поколения мы стали свидетелями того, как государство абсолютистско-тоталитарное (тоталитарное государство локального характера), словно сойдя со страниц теоретических пособий для законоведа или политолога, превратилось в реальность. Современное положение потому так серьезно, что неограниченный локальный суверенитет, неявно присутствовавший в европейской истории последних четырехсот лет как тенденция, в наши дни внезапно воплотился в жизнь.

Я считаю — с этим можно спорить, но я выдвигаю свое мнение как дискуссионное, — что этот принцип по самой своей сути работать не может; когда же его пытаются претворить в действительность — как это имеет место на глазах нашего поколения, — приходится искать противоядие. Если бы неограниченный локальный суверенитет и применение в полной мере принципа безопасности отдельного государства действовали на протяжении всего Нового времени, нас уже давно постигла бы катастрофа.

С вашего разрешения, я пойду еще дальше и скажу, что если в мире насчитывается не то 60, не то 70 локальных государств, воплощающих на практике полный суверенитет, то такое положение вещей в международных делах по самой своей природе носит временный характер. Можно с уверенностью предсказать, что если государства будут и впредь настаивать на абсолютности своего суверенитета, то через сто, а может быть, и пятьдесят лет в мире будет уже не шестьдесят или семьдесят отдельных суверенных государств, а намного меньше — возможно, всего одно!

В жизни часто встречаются ситуации примерно такого рода: человек видит впереди некую цель, которой не

избежать, к которой ему все равно придется идти. Применительно к международным делам, думается мне, такая неизбежная цель — это упразднение неограниченного локального суверенитета. Нередко в подобной ситуации человек все же может выбрать путь, по которому идти к этой единственной неизбежной цели, и очень часто суть заключается в том, какой путь избрать. Пусть цель одна и та же, наличие нескольких путей создает выбор, и крайне важно выбрать лучший, а не худший путь к той цели, которой в конечном счете вам суждено достигнуть.

Если стоящая перед нами цель — упразднение государственного суверенитета (а я думаю, что при тех технических и организационных возможностях, которыми располагает современный мир, вряд ли покажется спорным утверждение, что вооруженные такими возможностями сообщества, притязующие на неограниченный локальный суверенитет, не смогут просуществовать рядом длительный срок без того, чтобы всех нас не постигла катастрофа) и если в таком случае неограниченный локальный суверенитет обречен на исчезновение, то каковы те два различных пути, по которым можно прийти к этой цели?

Думается, здесь, как всегда, все сводится к двум путям. Один — эволюционный: путь соглашений, предусмотрительности, ненасилия, путь коллективной безопасности. Если вы хотите идти к созданию своего рода мирового порядка мирным путем, таким путем станет коллективная безопасность. Мы потому вновь и вновь возвращаемся к настоящему вопросу о создании сейчас коллективной безопасности, что справедливо чувствуем всю колоссальную важность того, чтобы развитие пошло этим путем, а не другим. Если удастся обеспечить коллективную безопасность, упразднение суверенитета будет относительным и неполным.

Нужно признать тот факт, что система коллективной безопасности предполагает частичную утрату локального суверенитета, но на этом пути процесс этот будет постепенным. Ныне существующие государства по добровольному соглашению войдут в систему мирового порядка, в которой каждое из них сохранит свою культуру, привычный образ жизни, местное административное самоуправление. Если избавление от локального суверенитета будет происходить именно таким образом, это едва ли будет воспринято как жертва или потеря.

Поэтому я хотел бы обратиться к

Текст к публикации
подготовлен Эдгардо Кантоном

тем присутствующим, для кого нация и национальное развитие на местах превыше всего. Я хотел бы сказать им, что люди, придерживающиеся таких взглядов — с которыми я лично не согласен, — должны были бы больше, чем все остальные, стремиться к достижению коллективной безопасности, потому что коллективная безопасность — это тот путь, при котором жертвовать локальным суверенитетом придется в наименьшей степени.

Если же коллективную безопасность обеспечить не удастся, остается лишь второй древний и хорошо знакомый путь — путь насилия и завоеваний. В этом случае агрессивные и вооруженные до зубов тоталитарные государства столкнутся, подобно айсбергам в штормовом океане, и будут со скрежетом тереться и биться друг о друга, пока не разобьются на куски. Тогда неизбежный мировой порядок воцарится в древнейшей и наиболее разрушительной форме, следствием которой станет тоталитарное мировое господство — сверхгосударство, которого все мы боимся, мировое государство, созданное силой, уничтожающее любую самостоятельность местных общин, любое местное самоуправление.

Если это произойдет, не исключено, что уцелеет лишь один победитель. Не думаю, что судьба этого единственно уцелевшего победоносного государства сложится намного удачнее и благополучнее, чем государств, которые будут им уничтожены. Но если все же победитель останется, я совершенно уверен в том, что это будет не моя страна. Не будет им и ни одна страна Европы. Может быть, и ни одна страна европейского происхождения. На пути насильственного объединения мира нас могут ожидать большие сюрпризы относительно того, какое из государств или сообществ в конце концов этого добьется.

ЮНЕСКО В ДЕЙСТВИИ
ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Королевские дворцы Абомея Ясмина Шопова

Лев — эмблема короля Глеле
(1858—1889).

*Акула, которая не боится
каймана!*

*Король, спасший Дагомею
от бесчестья,*

*Господин Вселенной, который
осуществит надежды страны!*

КАЖДЫЙ вечер при заходе солнца Панлинган, глашатай двора короля Дагомеи Гезо, правившего в первой половине XIX в., возносил эту хвалу своему господину в главном внутреннем дворе королевского дворца в Абомее. Затем он падал ниц, посыпая свою голову пылью. Этот обычай возник двумя столетиями раньше, когда король Уегбаджа приказал глашатаю своего двора прежде, чем он обратится в кому-либо, произносить слова, прославляющие короля. Традиция передавалась из поколения в поколение вплоть до падения сто лет назад последнего правителя Дагомеи Беханзина.

Сегодня через тот же самый внутренний двор посетители входят в один из крупнейших в Африке ансамблей исторических памятников — королевские дворцы Абомея, которые в 1985 г. были включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО как объекты, находящиеся под угрозой разрушения.

На участке, занимающем более 40 га, находится как главный дворцовый комплекс, где теперь размещаются музей и

ремесленный центр, так и археологическая зона с развалинами других дворцов, относящихся к более раннему времени. Каждая из этих двух частей может многое рассказать об истории королевства. Археологическая зона напоминает о его возникновении и развитии как небольшого города-государства, тогда как главный дворцовый комплекс рассказывает о «золотом веке» и об упадке королевства, оставившего бессмертное наследие.

ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО

Расположенный в 160 км к северу от Котону, на территории теперешнего Бенина, город Абомей являлся в течение трех столетий столицей королевства народа фон, основанного около 1620 г. принцем До Аклином из королевского рода Аллада. Пятью годами позже его сын Дако стал первым королем Абомея, но лишь Уегбаджа (1645—1685), сын Дако, превратил его в сильное государство.

Уегбаджа заложил основы социальной иерархии, вершиной которой являлся двор; местных вождей назначало центральное правительство. Отправление ритуалов возлагалось одновременно на жреца и мини-

стра, назначенного правителем. Таким образом, отделившись от религиозных дел, король мог полностью сосредоточиться на государственных проблемах. Всем королевским женам предоставлялись равные привилегии, тем самым устранялась, по крайней мере в принципе, опасность возникновения ревности или интриг. Что касается политического влияния, то здесь ни одна из жен не могла соперничать с королевой-матерью, которая возводилась на престол вместе со своим сыном и наделялась важными административными функциями. Сложная система наследования престола позволяла правителю самому выбрать своего наследника, давая ему возможность, если необходимо, удалить от трона собственных сыновей. Братьев царствующего правителя часто убивали в качестве предупредительной меры.

Благодаря своей прочной политической, социальной и религиозной организации крошечный город-государство быстро превратился в ведущую державу региона. К сожалению, от дворца Уегбаджи, которого считают основателем страны, сохранились только развалины входа.

В 1685 г. Уегбаджу сменил на престоле Акаба, продолживший деятельность по рас-

Вверху: троны королей Абомея (Бенин) демонстрируются в церемониальном тронном зале.

На с. 40: деталь гобелена в тронном зале.

ширению королевства и приумножению его богатств. Он построил для себя дворец в несколько этажей, что являлось редкостью для того времени (хотя позднее другие правители следовали его примеру); от этой постройки сохранилась до наших дней одна внушительных размеров стена. Следуя обычаю, он построил свою новую резиденцию рядом с дворцом своего предшественника, создав новый огороженный участок, связанный проходами с соседними участками.

Стены, разгораживавшие эти внутренние дворы, казались крошечными по срав-

нению с огромными (высотой от 5 до 8 м) крепостными валами, окружавшими весь дворцовый комплекс. Кроме того, крепость, в которой размещались казармы королевской гвардии и к которой примыкали жилые дома, была защищена рвом и огромным заграждением из колючих растений. В период наивысшего расцвета королевства ее наружные стены растянулись на 3 км. Нетрудно понять, почему это место было известно под названием Абомей, что означает «внутри стен».

К сожалению, комплекс дважды пострадал от разрушительных пожаров. В царствование Акабы до тла сгорела большая часть построек. Двамя столетиями позже, когда дворцовый комплекс пополнился еще семью королевскими резиденциями, новый пожар (как мы увидим, на сей раз поджог был совершен умышленно) стал причиной дальнейшего разрушения ансамбля.

Остатки дворца Акабы и многоэтажного здания, построенного его преемником Агаджей (1708—1740), являются ценным свидетельством той эпохи, когда королевство начало расширять связи с побережьем с тем, чтобы монополизировать поставку рабов европейским торговцам. Работорговля стала основой экономики Дагомеи, что послужило причиной жестокого соперничества с народом йоруба из Ойо, который тоже занимался торговлей и даже сумел в период между 1728 и 1818 гг. заставить подряд четырех королей Абомея (Тегбезу, Кангалу, Агонголо и Адандозана) платить ему ежегодную дань.

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Адандозан прославился своим неумением вести хозяйство, деспотичным характером и неуважением к традициям. Он был свергнут

Вверху: дворцы короля Гезо и его сына Глеле, построенные в XIX в., сегодня являются музеем истории и искусств. Среди экспонатов музея — резное изображение птицы-носорога, одной из эмблем Гезо.
Внизу: двор королевского дворца Абомея. Стены украшены полихромными резными барельефами.

Гезо (1818—1858), самым известным правителем, который, по свидетельству английского коммодора, ведшего с ним торговые дела, отличался царственной осанкой. Кроме личного величия Гезо, на иностранных посетителей производило сильное впечатление великолепие его двора с 10 тыс. слуг и армией, состоящей примерно из 4 тыс. воинов-женщин.

Даже сегодня, несмотря на разрушительное воздействие времени, от дворца Гезо веет величием. Следуя примеру своих предшественников, он разделил пространство внутри валов на три обособленных огороженных стенами внутренних двора. Его многоэтажный дом одной стороной выходил на главную площадь (*сингбоджи*), другой — на внешний двор (*кпододжи*), где проводились религиозные церемонии и военные парады. «Сердцевина власти», тронный зал, святилище и королевская резиденция размещались в отдельном, недоступном для всех дворе.

Религиозные сооружения отличались от построек, имеющих иное назначение, своей круглой формой. Но в любом случае важным элементом являлась крыша. Резиденция Гезо, имевшая огромную веранду и семь дверей, была покрыта соломенной крышей, которая в первоначальном виде была в два раза больше видимой части стены. Внушительные размеры крыши объяснялись практическими соображениями. Такая крыша защищала здание от проливных дождей во время влажного сезона и обеспечивала изо-

ляцию помещений; в то же время она придавала всему внутреннему двору величественный вид. Крыша спускалась так низко, что посетители вынуждены были наклоняться, чтобы войти в дом. Тем самым они проявляли уважение к монарху, а кроме того, получали возможность любоваться изумительными полихромными барельефами, украшавшими нижнюю часть стен. А чтобы войти в некоторые из гробниц комплекса, людям приходилось опускаться на четвереньки.

Крыши с каркасом из веток не выдержали испытания временем. Теперь солома укладывается на рифленое железо, и крыши значительно уменьшились в размере. Знаменитые барельефы, расписанные натуральными красителями, тоже получили повреждения, в частности от ураганов, происшедших здесь в 1975, 1977 и 1984 гг.

После того как объект включили в Спи-

сок всемирного наследия, была взята под контроль реставрация зданий, крыш, бамбуковых потолков, барельефов, резных дверей и окон, а также того, что осталось от укреплений.

Королевская резиденция и тронный зал (где среди других можно видеть трон Гезо, стоящий на черепах четырех вождей, его врагов) являются теперь залами музея Абомея, так же как и зал драгоценностей и арсенал, расположенные во внутреннем дворе, принадлежавшем Глеле, сыну Гезо.

УПАДОК И ВЫЖИВАНИЕ

Внутренние дворы дворца Глеле (1858—1889) были так же богаты и роскошны, как и дворы его отца. Он построил два дома и две крытые навесом мастерские для ткачей, медников и скульпторов, где в наше время ремесленники еще занимаются традиционными искусствами Абомея. Потомки королевских семей продолжают жить внутри комплекса, на них возложена ответственность за содержание гробниц и святилищ.

В царствование Глеле в Дагомее произошли радикальные политические и экономические перемены. С одной стороны, работорговля была объявлена незаконной, началось развитие сельского хозяйства, связанное с торговлей пальмовым маслом. С другой стороны, консерватизм Глеле во внешней политике привел к напряженности в его отношениях с Европой, вскоре превратившейся в открытую враждебность.

Ко времени прихода к власти Беханзина в 1889 г. конфликт с Францией достиг опасного уровня. Французы жаловались на «дерзость короля Абомея», который однажды сказал: «Разве я отправился во Францию, чтобы воевать с французами?» Народ Дагомеи не был готов заплатить за мир ту цену, которую от него требовали. А именно поднять над Абомеем французский флаг и разоружить всех воинов. Начались вооруженные столкновения. Бои шли несколько месяцев и завершились тем, что Беханзин вынужден был отправиться в изгнание.

Абомей стал протекторатом Франции, а в 1894 г. брат Беханзина Аголи-Агбо сменил его на троне. Его возведение на престол могло рассматриваться как акт семейного вероломства или как колониальные козни. Как бы то ни было, Беханзин считается последним независимым королем страны. Прежде чем покинуть дворец, Беханзин успел поджечь его.

Этот отчаянный поступок — последняя реакция на вызов, брошенный историей древнему королевству, — мог бы рассматриваться как символ падения прославленной цивилизации. Но остатки ее еще продолжают сохраняться, несмотря на огонь и ущерб, причиненный людьми. Сохраняя эти остатки от разрушения, ЮНЕСКО возвращает дворцовый комплекс Абомея на страницы книги истории. ■

ЯСМИНА ШОПОВА,

македонская публицистка; автор многих статей и исследований по искусству и литературе народов Черной Африки, Тихоокеанского региона и Вест-Индии.

Директор: Бахгат эль-Нади
Главный редактор: Адель Рифаат

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ (Париж)
Ответственный секретарь: Джиллиан Уиткомб
английский яз.: Рой Молкин
французский яз.: Ален Левак, Нада аль-Хазен
испанский яз.: Мигель Лабарка,
Арасели Ортис де Урбина
Оформление: Жорж Серва
Иллюстрации: Ариен Бейли
Документация:
Связь с национальными редакциями: Соланж Белен
Секретариат: Анни Браше
Подборка шрифтом Брайля на английском,
французском, испанском и корейском языках:
Муна Чатта

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕДАКЦИИ:
украинский яз.: Виктор Стельмах (Киев)
немецкий яз.: Доминик Андерес (Берн)
арабский яз.: аль-Саид Махмуд аль-Шанити (Каир)
итальянский яз.: Марио Гвидотти (Рим)
язык хинди: Ганга Прасад Вимал (Дели)
язык тамил: Мохаммед Мустафа (Мадрас)
персидский яз.: Садуг Ваннин (Тегеран)
голландский яз.: Клод Монтрé (Антверпен)
португальский яз.: Бенедикто Силва (Рио-де-Жанейро)
турецкий яз.: Серпил Гоген (Анкара)
язык урду: Вали Мохаммад Заки (Исламабад)
каталанский яз.: Жоан Каррерас-и-Мартí (Барселона)
малайзийский яз.: Сидин Ахмад Исхак (Куала-Лумпур)
корейский яз.: Ли Тон Ок (Сеул)
язык суахили: Леонард Шума (Дар-эс-Салам)
словенский яз.: Александра Корнхаузер (Любляна)
китайский яз.: Шень Гофень (Пекин)
болгарский яз.: Драгомир Петров (София)
греческий яз.: Софи Костопоулос (Афины)
сингальский яз.: Невиль Пьядигама (Коломбо)
финский яз.: Марьятта Оксанен (Хельсинки)
баскский яз.: Хусто Эганья (Донастия)
тайский яз.: Дуангтил Суриятатип (Бангкок)
вьетнамский яз.: До Фунг (Ханой)
язык пушту: Назер Мохаммад Ангар (Кабул)
язык хауса: Хабиб аль-Хассан (Сокото)
бенгальский яз.: Абдулла Шарифуддин (Дакка)
язык гальего: Хавьер Сенин Фернандес
(Сантьяго-де-Компостела)

При перепечатке материалов обязательна ссылка
на «Курьер ЮНЕСКО» с указанием автора.
Подписанные статьи выражают мнение их авторов,
которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО
и редакции журнала. Подписи к фото и заголовки
готовятся сотрудниками редакции.

Издание ежемесячного журнала «Курьер ЮНЕСКО»
на русском языке с 1957 года осуществляет
АО Издательская группа «Прогресс» (Москва)

ISSN 0304-3150

ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛОВ ЮНЕСКО
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: И. Уткина
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Д. Фикс

«КУРЬЕР ЮНЕСКО»
РЕДАКТОР РУССКОГО ИЗДАНИЯ: Т. Оленина
РЕДАКТОР: О. Гребенюк
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И ТЕХНИЧЕСКОЕ
РЕДАКТИРОВАНИЕ:
В. Паленцева

АДРЕС РУССКОЙ РЕДАКЦИИ: 119847, ГСП-3,
Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 17, т.: 247-17-94.

АООТ Тверской полиграфкомбинат,
170024, Тверь, проспект Ленина, 5. Зак. 1975.

ТЕМА СЛЕДУЮЩЕГО НОМЕРА:

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

ТАКЖЕ ЧИТАЙТЕ
МАТЕРИАЛЫ ПО ЭКОЛОГИИ
В РУБРИКЕ

ЗЕЛЕНЫЙ СТРАЖ

ФОТОГРАФИИ ПРЕДОСТАВИЛИ:

1-я с. обл., с. 3: © Ezéchiél Saad, Paris. С. 4: Marco © Ask Images, Paris. С. 5, 8, 14: © Charles Lénars, Paris.
С. 6: © Muñoz de Pablos, Paris. С. 7: Bordes © Explorer, Paris. С. 9: © The Australian Academy of the Humanities.
С. 10: © Miss International, Galerie Beaubourg, Paris; С. 11: Sabine Weiss © Rapho, Paris. С. 12, 13:
© 1953 M. C. Escher/Cordon Art-Baarn-The Netherlands. С. 15, 21, 22, 23: © Yves Gellie, Paris. С. 16—17, 18,
20: Bruno Barbey © Magnum, Paris. С. 19: James Morris © Panos Pictures, London. С. 24 (вверху): David Reed
© Panos Pictures, London. С. 24 (в центре): © CIRAD/GERDAT/PRIFAS 93. С. 24 (внизу): © Editions de l'Envi-
ronnement, Paris. С. 25 (вверху): Mauri Rautkari © WWF, Gland. С. 25 (внизу): Peter Tunley © WWF, Gland.
С. 26—27: Чистяков © Новости, Париж. С. 28: All Rights Reserved. С. 29: Матицын © Новости, Париж. С. 30
(слева): Загумный © Новости, Париж. С. 30 (справа): Гукский © Новости, Париж. С. 31 (слева): Jim Pick-
rell © Rapho, Paris. С. 31 (справа): Jean Hosking © Rapho, Paris. С. 32—33: Stan Fautré © Ask Images, Paris.
С. 33 (справа): P. Rivière © Miss International, Paris. С. 34: © Jia Tian. С. 34—35: Michel Baret © Rapho, Paris.
С. 36: UNESCO—Michel Claude. С. 38: © Keystone. С. 40, 41, 42: J. A. Fernandez © Incafo, Madrid.

Подписывайтесь на журналы ЮНЕСКО на русском языке

«Курьер ЮНЕСКО»

Ежемесячный иллюстрированный журнал, освещающий проблемы современного мира с различных точек зрения. В каждом номере — интервью с одним из представителей мира искусства, литературы, науки, культуры, а также рубрики, посвященные защите окружающей среды, охране всемирного наследия, деятельности ЮНЕСКО в мире.

Индекс 70458

«museum»

Ежеквартальный иллюстрированный журнал, посвященный проблемам музееведения. Журнал интересен не только специалистам, но и людям, просто любящим музеи.

Индекс 71133

«Бюллетень по авторскому праву»

Ежеквартальный журнал, посвященный вопросам авторского права и его охраны, а также новым разработкам в этой области. Журнал представляет интерес не только для юристов, но для творческих и издательских работников.

Индекс 71138

Жители Москвы могут оформить подписку на эти журналы непосредственно в редакции.

Наш адрес: 119847, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.
Телефон: 247-17-94